

Темные времена

Автор:

Дем Михайлов

Темные времена

Дем Михайлов

Мир ИзгояИзгой #2

Прошли столетия с тех пор, как отгремели чудовищные войны магов и половина континента превратилась в покрытую пеплом пустошь, непригодную для жизни. Некогда великолепные города теперь лежат в руинах, населенных чудовищами и нежитью, настолько опасными, что пришлось возвести пограничную стену, дабы оградить мирных жителей от смертельной угрозы. Так появились Дикие Земли... Поселению барона Кориса Ван Исера удалось невозможное – они выжили в Диких Землях и основали хорошо укрепленное поселение. Но это лишь начало. В Дикие Земли пришла суровая зима. С наступлением холодов проснулись огромные сгархи и ведомые шурдами, вышли на поиск ненавистных людишек. В свою очередь, таинственный Повелитель не оставляет своих попыток уничтожить Кориса Ван Исера любой ценой. Кажется весь мир ополчился против затерянного в глубине Диких Земель поселения.

Дем Михайлов

Темные времена

Глава первая

Хлопоты никогда не кончаются

Когда я под утро сонно выполз из натопленной пещеры и вдохнул холодный воздух, то остатки сна мгновенно улетучились, а я надсадно закашлялся. Похоже, снегопад не прекращался всю ночь, и теперь форт завален толстым слоем снега. Стены ущелья обледенели и холодно поблескивали под первыми лучами зимнего солнца. Радовало, что тучи исчезли, и день обещал быть ясным.

Поежившись, я припустил трусцой к стене – надо проверить стражу – по пути прокручивая в голове незавершенные дела и расставляя их по степени важности. Моя тонкая кожаная куртка уже не спасала от усиливающегося холода – надо поторопить женщин с пошивом теплой зимней одежды. Благо нам удалось достать немало иголок в поселении Ван Ферсис и у нас в достатке выделанных шкур. Больше всего я боялся вспышек болезней.

Задубевшие от холода часовые оказались на месте и доложили, что ночь прошла тихо, к стене никто не приближался. Спросив про группу Литаса, я получил тот же ответ, что и вчера – нет, еще не появились. Долгое отсутствие ушедших за стариком охотников начинало нешуточно тревожить меня.

Сколько требуется времени всадникам, чтобы нагнать в узком ущелье пешего беглеца?

Они должны были перехватить его еще до выхода из ущелья и задолго до заката вернуться обратно.

Приказав сообщать мне о любом признаке движения перед стеной, я спустился во двор и по хрустящему под ногами снегу, пошагал к ожидающим меня братьям-каменщикам, Тезке и Рикару. Предстояло много работы.

Обсуждение неотложных дел заняло не больше часа, и мы сошлись на том, что, пока большая часть мужчин не оправится от ран, работу над стеной следует отложить и сосредоточить усилия на постройке ледника и конюшни. Благо здесь можно было справиться и меньшими силами. Ледник братья предложили сделать рядом с жильем около пещеры, под конюшню нашли место чуть поодаль, но с таким расчетом, чтобы обе хозяйственные постройки были впритык к скале – все меньше работы.

В первую очередь я распорядился начинать с конюшни – жалостливый Тезка все же ослушался меня и загнал всех лошадей на ночь в пещеру. Теперь там благоухало, как в настоящей конюшне, но выпроводить животных на мороз у меня рука не поднялась.

Так же меня волновало то, что сегодня я проснулся с дикой головной болью, исчезнувшей, как только я оказался на свежем воздухе. Расспросив людей, я убедился, что головная боль беспокоит не только меня. Вывод очевиден. Нам не хватает воздуха – построенная перед входом в пещеру пристройка наглухо перекрыла ему доступ. Так можно однажды и не проснуться. Выслушав мои выводы, Древин серьезно обеспокоился и пообещал сегодня же заняться поиском решения проблемы.

Дав каменщикам задания, я приказал Тезке проверить все наши запасы съестного и прикинуть, сколько мы сможем протянуть без охоты. Зима началась слишком рано. Мы не успели толком подготовиться. Здоровяку досталась сомнительная и тяжкая честь посчитать дрова – печь в пещере топилась постоянно, кухонная печь в пристройке так же практически не угасала. Они буквально пожирали наши запасы дров. Прихватив с собой оправившегося от давешнего падения со скалы рыжего Лени, здоровяк, недовольно пыхтя, отправился к штабелям заготовленных поленьев, а я мрачно поглядел на покрытые снегом трупы ниргалов и решил заняться осмотром их вещей.

Создатель подарил нам еще один день и следует потратить его с умом, увеличивая наши шансы на выживание.

* * *

Отхлебнув глоток горячего травяного отвара, я поставил кружку на край стола и блаженно вздохнул. После трех часов вне теплой пещеры, горячее питье пришлось как нельзя кстати – опасаясь неожиданных сюрпризов, я решил проводить осмотр сумок и тел ниргалов под открытым небом. Кто знает, на что мы можем нарваться. Так что приходилось мерзнуть и стараться не обращать внимания на падающий с небес мелкий и колкий снежок, так и норовящий попасть за ворот куртки. Только-только распогодилось было, и на тебе – снова снег. Эх... суровые здесь земли...

Лишь пару часов назад форт был тих и безмолвен, сейчас же воздух наполнен стуком топоров и визгом пил – Дровин приступил к постройке конюшни, затребовав себе для этого дела всех работоспособных мужчин.

Поискав взглядом Древина, я обнаружил его стоящим на крыше пристройки с крайне задумчивым видом. Видать, прикидывает, как усилить приток свежего воздуха в пещеру. Я не уверен, что у него это получится, но зато точно знаю, что сегодня все лошади будут ночевать снаружи. И мое решение останется окончательным, даже в том случае, если сам Создатель вступится за бедных животных. С Тезкой я уже переговорил на эту животрепещущую тему, и хозяйственник полностью осознал свою ошибку, особенно после того, когда перед его носом помаячил увесистый кулак Рикара, подкрепленный парой крайне злых слов. Перспектива задохнуться в собственной постели меня не прельщала. Пусть жгут костры хоть всю ночь, но животные будут ночевать во дворе.

В двух шагах от меня Рикар с помощью Лени пытался взгромоздить на широкий стол мертвого ниргала, что было далеко не легкой задачей – проведя ночь под снегом, заключенные в металл тела превратились в покрытые льдом статуи, замершие в причудливых позах. Хоть как украшения расставляй по двору. Пока я наблюдал за пыхтевшими от натуги воинами, тело в очередной раз выскользнуло из ладоней Лени и с лязгом рухнуло на ногу здоровяка. На несколько секунд над двором повисла мертвая тишина, побледневший Лени потихонечку пятился, здоровяк смотрел на придавленную ногу и медленно наливался красным. Все... сейчас начнется. У оплошавшего Лени только недавно окончательно зажила сломанная рука, но, кажется, сейчас Рикар сломает ее еще раз и в нескольких местах сразу.

Мои предположения сбылись, спустя один миг...

Яростно взревев, Рикар с трудом вытащил ногу из-под тела ниргала и, хромя, направился к отступающему Лени, с хрустом сжимая огромные кулаки.

– Рикар, да я же не специально. – зачастил Лени, выставив перед собой руки. – Он же скользкий, зараза. И тяжелый! Ну что ты разошелся-то? Господин, скажите вы ему – случайно так вышло.

– Рикар, оставь беднягу в покое. – выдавил я, судорожно пытаюсь удержаться от дикого хохота. – Вас обоих вообще вместе оставлять нельзя – обязательно что-нибудь да случится. Рикар! Оставь его, кому сказано! Давай лучше я тебе помогу.

– А ну иди сюда! – наконец прорвало здоровяка. – Я тебе сейчас покажу, как хвататься, чтобы не соскальзывало!

– Господин, заступитесь! – возопил Лени, откидывая с лица рыжую прядь. – На ваших глазах жизни лишают!

– Рикар! Остынь уже. Лени, сбегай к Тезке за веревкой – сделаете петли и поднимайте за них.

– Хорошо, господин. – облегченно выдохнул Лени и, помявшись, добавил: – Вот только Тезка веревку не даст. У него на все один ответ.

– Скажешь Тезке, что веревка нужна мне, и передай ему, чтобы сам топал сюда. По дороге заскочи на кухню и скажи, чтобы сюда еще пару кружечек травяного отвара принесли. Рикар, а ты иди сюда и помоги мне разобраться с вещами.

Плюнув вслед умчавшемуся Лени, бородач, прихрамывая, направился ко мне.

Изучение седельных сумок ниргалов ничего не дало и только еще больше запутало дело. Их содержимое оказалось абсолютно одинаковым и безличностным. Бурдюк с водой, арбалетные болты, запасные тетивы и точило – это понятно и объяснимо. Но остальное!

Например, в каждой сумке находился набор кузнечных инструментов – клещи, несколько металлических клиньев, небольшой стальной молоток, нож с узким лезвием, зубило и запас железных пластин. Этакая походная мастерская по работе с металлом. Поломав голову, я решил, что, скорей всего, ниргалы использовали инструменты для починки поврежденной брони. Учитывая, что они увешаны доспехами с ног до головы и не имеют возможности снять их и заменить, то мой вывод вполне логичен. Инструменты оказались единственным, чему я смог дать объяснение. Назначение остальных вещей оставалось неясным, и я надеялся, что здоровяк поможет разобраться.

Вот как объяснить найденные мною фляги, наполненные густой серой жижей с отвратительным запахом? Для чего служит длинная металлическая трубка в пол-локтя длиной? Удивляло и то, что все предметы были одинаковыми, совпадало даже их количество! словно все сумки собирал один человек и для всех сразу, причем у него не было ни единого любимчика. Странно это все!

Я не нашел ни одной личной вещи, ни единой монеты, отсутствовало даже одеяло и запасы продовольствия!

Подошедший здоровяк взглянул на разложенные по столу предметы, сморщившись, понюхал содержимое фляги, дунул в трубку и, почесав бороду, мудро изрек:

- Это фляга и металлическая трубка!

- Да ну? Правда?! Вот это да! - не на шутку поразился я. - Как же я сразу-то не догадался, что это фляга и трубка! Ты меня просто спас! Фуф! Рикар, мне интересно, что это за каша такая во фляге, и для чего служит трубка!

- Не знаю, господин. - пожал плечами здоровяк и предложил: - Кашу можно Лени дать попробовать. Его все одно не жалко.

Рассмеявшись, я отрицательно покачал головой и спросил:

- Думаешь, это еда? Если судить по запаху, то не похоже.

- Точно не знаю, но, если есть бурдюки с водой, значит, ниргалы нуждаются в воде. Не просто так же с собой лишнюю тяжесть возят. Я проверил - вода в бурдюках свежая, не затхлая.

- Понял ход твоих мыслей - если пьют, то, значит, и едят. А как едят, если у них шлемы не снимаются? О!

Прихватив со стола трубку, я подошел к раскинувшемуся на снегу телу и попробовал вставить трубку в круглое отверстие шлема напротив рта. Она подошла идеально. Все оказалось просто. Не имея возможности снять шлем, ниргалы принимали пищу и воду через небольшое отверстие в шлеме, с

помощью специальной трубки.

Учитывая, что нормальный человек не согласится на такую пытку добровольно, то получается, что ниргалы либо не люди вообще, либо их как-то смогли заставить пойти на такое безумие. Я склонялся ко второму варианту, но буду уверен, лишь взглянув на ниргала, полностью освобожденного от скорлупы доспехов. Не разбив яиц яичницу не приготовишь.

К возвращению Лени с кольцом прочной веревки на плече, я уже отложил в сторону фляги с мерзкой на вид кашей и длинные трубки. Рикар споро закрепил на теле заочневшего ниргала веревочные петли и, ухватившись за них, мы, кряхтя, взгромоздили эту тушу на стол. Тяжелый. Просто невыносимо тяжелый. Как только этих ниргалов выдерживали лошадиные спины?

Ниргал застыл на столе в нелепой позе – ударивший мороз за ночь проморозил тело, превратив его в кусок льда. Стряхнув с трупа остатки снега, я начал внимательно рассматривать места соединения стальных чешуек на шее. В первую очередь я собирался стащить закрытый шлем и наконец узреть лицо столь несокрушимого врага.

Злопамятный Рикар подхватил одну из разложенных на столе фляг и, злорадно улыбаясь, направился к Лени.

– Слушай, Лени, – ласково проворковал здоровяк, протягивая тому флягу с серой кашей, – отхлебни-ка отсюда чуток. Порадуй господина.

– А... а что там? – с подозрением спросил Лени, не торопясь принимать флягу и пряча руки за спину.

– Самое что ни на есть лучшее вино ниргалов, попробуй, тебе обязательно понравится! Давай, всего один глоток!

– Спасибо за угощение, брат Рикар, но не хочу туманить голову с утра. – вывернулся Лени, но здоровяк отступить не собирался:

– Пей, кому сказано! А то силком волью!

– Да не буду я пить!

– Так! – рявкнул я, ударив ладонью по столу. – Вам заняться нечем? Лени, я тебя за хозяйственником нашим посылал! Ну и где он?

– Здесь я, господин, – отозвался Тезка, торопливо шагая ко мне, – звали?

– Звал. – кивнул я. – Радуйся, счастье тебе привалило. Забирай эти сумки с инструментами и тащи к себе в логово.

– Правильно, господин! – встрял Лени. – Как есть логово! Ничего не допросишься! Веревку и ту давать не хотел!

– Вам все дай, да дай! Нет бы принести чего-нибудь! – окрысился Тезка, споро навьючивая на себя сумки с вещами. – Господин поставил меня добро беречь! Вот я и стерегу!

Послушав завязывающуюся перебранку, я сплюнул, подхватил молоток и зубило и повернулся к ожидающему меня ниргалу. Сейчас я был даже рад морозу – благодаря холоду тела еще не начали разлагаться, и нам не грозила трупная вонь и прочие прелести, связанные с этим неприятным занятием.

Чтобы сбить одну броневую пластину с шеи ниргала, мне пришлось нанести больше десятка ударов, и лишь тогда чешуйка поддалась и слетела с места. Жестко прикрепленные к нижнему краю шлема длинные пластинки другим концом крепились к кольчуге на шее. Значит, помимо крайне плохого обзора из-за узких щелей в шлеме, ниргалы толком не могли повернуть шею, и, чтобы взглянуть в сторону, им приходилось поворачиваться всем телом.

Не знаю, кто создал этих тварей, но он пошел по пути максимальной защиты, плюнув на все остальное и посчитав, что, создав неуязвимых для оружия ниргалов, он дарит им непобедимость. Я начал сомневаться в этом после первого боя, а сейчас, когда получил возможность изучить мертвые тела, то полностью утвердился в своих выводах. Практика показала, что, несмотря на прочные доспехи, ниргалы не выдерживают тяжелых ударов и – самое главное – ударов тупым оружием.

Это их первое слабое место. Пройдя ожесточенный бой, получив многочисленные удары и перенеся несколько падений с большой высоты, ниргалы погибли, но вот их доспехи остались практически не поврежденными – мелочи вроде нескольких сорванных и погнутых пластин не в счет. Доспехи до сих пор более чем надежно защищали своих мертвых хозяев. Мой вывод прост – не надо стараться пробить мощную защиту. Нет. Надо стараться поразить самого ниргала, используя его защиту против него – броня не обладала жестким каркасом и прилегала вплотную к телу. От удара мечом ниргал даже и не почешется, но если приложить его по спине увесистым боевым молотом, то мало ему не покажется.

Второе слабое место ниргала – это его шлем. Если залепить смотровые щели смолой, то он на время ослепнет – и, просто не имея возможности снять шлем, он будет вынужден остановиться и заняться очисткой. А прочистка узких смотровых щелей массивными железными перчатками это та еще задача...

Хорошо. Значит, случись новая встреча с ниргалами, надо следовать особой тактике – сперва использовать смолу для ослепления твари, а затем несколько воинов глушат беспомощного ниргала молотами. Надо обсудить это с Рикаром.

Жалобно звякнув напоследок, еще одна пластина сдалась и отлетела в сторону от удара зубилом. Дело движется. За моей спиной перебранка набирала обороты, но я не вмешивался – уже успел выучить, что воины подзуживают друг друга вполне беззлобно. Развлечения ради. Вот и сейчас Тезка выпустил пар, собрал оставшиеся сумки и гордо удалился в сопровождении рыжего Лени. А здоровяк присоединился ко мне, и работа закипела с удвоенной силой.

Мощный удар Рикара сорвал последнее крепление. Больше ничто не мешало снять шлем с головы ниргала. Переглянувшись со здоровяком, я кивнул, и Рикар, обхватив шлем обеими ладонями, осторожно стащил его. Голова ниргала предстала перед нами во всей своей красе. Вернее, во всем ужасе. Судя по всему, некогда это было человеком... или тем, что от него осталось.

Кольчуга плотным коконом охватывает голову, оставляя открытым лишь лицо мертвенно-белого цвета. Глаза с невероятно расширенными зрачками безжизненно смотрят в серое небо. Лицо покрывают многочисленные шрамы, образуя затейливый рисунок. Щеки и подбородок исковерканы следами ожогов. Укрывающая голову кольчуга покрыта коркой запекшейся крови, излившейся из ушей, носа и рта – тяжелые последствия падений и ударов.

– Создатель, кто же мог сотворить такое? – пораженно прошептал здоровяк, вглядываясь в мертвое лицо. – Господин, загляните ему в рот. У него нет языка. Срезали подчистую.

Преодолевая брезгливость, я заглянул в окровавленный рот и убедился в правоте здоровяка – язык обрезан под самый корень, остался лишь жалкий огрызок. Большая часть зубов отсутствовала, обнажая голые десны.

– Рикар, позови отца Флатиса. Он должен на это взглянуть.

Кивнув, здоровяк пошагал к пещере, я же продолжил осмотр. Если шрамы могли быть следами многочисленных боев, то, как объяснить явно специально сделанные ожоги на подбородке и щеках?

Поддев пальцами край кольчужного капюшона, я стянул его с головы и невольно скривился в гримасе отвращения – череп ниргала был полностью безволосым и тоже изуродован следами давнего ожога. Ясно. Его просто опалили словно курицу, чтобы очистить кожу от волос и предотвратить их рост. Вот только в отличие от ниргала курицу держали в пламени уже мертвой. К горлу подступил ком, я поспешил отойти в сторону и отдышаться. Подхватил пригоршню снега и с силой растер лицо. Мерзость.

Насколько бесчеловечным и жестоким надо быть, чтобы сотворить такое с живым человеком даже не ради пыток, не ради причинения боли, а лишь из-за столь рутинной причины, как избавление от роста бороды...

Когда вернулся Рикар вместе с отцом Флатисом, я допивал третью кружку отвара и жалел, что это не крепкое вино. Священник, не выказав ни малейших признаков брезгливости, внимательно обследовал ниргала и, покачивая головой, подошел ко мне.

– Это ужасно, сын мой. Сотворить такое с живым человеком!

Впрочем, лицо старца осталось настолько спокойным, что я засомневался в том, что зрелище изуродованного человека зацепило священника глубоко. Такое впечатление, что он раньше видел нечто и похуже.

– Согласен, святой отец. Но меня интересует другое – возможно, в прошлом вы уже слышали о таких вот солдатах поневоле. Если ниргалы принимали участие в сражениях, то слухи о несокрушимых воинах не могли не появиться.

– Нет, сын мой. – мгновенно ответил священник. – Поверь мне, узнай Церковь о таком непотребстве, то все причастные к этому давно уж сгорели бы на очищающих кострах! И я первый бросил бы факел!

– Ясно. – разочарованно буркнул я, отставляя кружку. – Спасибо. Значит, я не узнал ничего нового.

– Что ты собираешься делать с мертвыми телами, сын мой? Пора провести похоронный обряд, чтобы их несчастные души наконец успокоились и воспарили на суд Создателя.

– Воспарят, святой отец, воспарят. Я уже закончил с ними. Сегодня к вечеру все будет готово к похоронному обряду.

Кивнув, священник распрощался, а я повернулся к здоровяку:

– Рикар, найди рыжего, и завершите работу по вскрытию доспехов. Посмотрим, что еще сотворили с этим бедолагой.

– Да, господин. Что делать с остальными ниргалами?

– Остальных не трогайте. Думаю, их делали по одному подобию и ничего нового мы не узнаем. После обеда, приготовьте костры для похоронного обряда. Порадуем отца Флатиса.

– Но, господин, а железо? Жалко! На каждом из этих уродов столько металла, что хватит на несколько доспехов!

– Рикар, снимать с ниргалов железо пластина за пластиной... слишком муторно. Положите их на костер в доспехах, а когда пламя угаснет... мне продолжать?

– Так не пойдет, господин. – качнул головой Рикар. – Металл пережжем, часть в землю уйдет, другая непригодной станет. Железо надо снимать с них зубилами

и молотами, а не огнем...

– Тогда у вас много работы. – пожал я плечами, признавая правоту старого наемника. – Сбейте с них столько металла, сколько сможете. Но времени у вас до вечера! До заката ниргалы должны окончательно упокоиться в погребальном пламени.

Бросив последний взгляд на тела, я пошагал к теплой пещере – надо немного согреться. Вещи ниргалов и их самих я осмотрел, и время потрачено не зря. Ниргалы смертны и у них есть слабые места. Учитывая их невероятную живучесть, можно смело утверждать, что над ними поработала магия – обычный человек, будь он даже в доспехах, никак не поднимется на ноги после падения с высоты сорока локтей. Об этом же свидетельствовали предельно расширенные зрачки – словно у ночного хищника, прекрасно видящего во тьме и не знающего промаха в броске. Думаю, несмотря на узкие щели в шлемах, видят они великолепно.

Ну и самое главное – ниргалы не больше чем рабы. Големы. Беспрекословно выполняющие любой приказ своего хозяина – даже если он ведет к гибели. Абсолютное равнодушие к собственной жизни. Что опять-таки совершенно неестественно для живого существа. Снова магия...

Единственное, чего не может дать магия – умения обращаться с оружием. Значит, ниргалов либо где-то обучают, либо находят умелых воинов для своих целей. Опять куча вопросов и ни одного ответа. Хотя, что я знаю о магии? Возможно, для умелых магов это не проблема – вложить в чужой ум умение боя.

Я очень надеялся, что с Литасом все в порядке и скоро он вернется не с пустыми руками. У меня много вопросов к этому загадочному старику по имени Ситас Ван Мерти. Очень много вопросов.

Я еще не притрагивался к самой сладкой части добычи – к седельным сумкам сбежавшего старика. Займусь ими сразу после обеда. Сперва миска наваристого супа, затем обжаренное с грибами оленье мясо, а на десерт сумка старика. Великолепный выбор блюд!

* * *

Стоя на верху стены, я с надеждой смотрел в расстилающееся передо мной ущелье. Литас не появился. Прошло уже достаточно времени, чтобы либо догнать пешего беглеца, либо убедиться в безнадежности этой затеи и вернуться. Что могло задержать следопытов?

В голову лезли мрачные мысли, одна другой хуже. Встряхнув головой, я кивнул часовому и направился к лестнице. Подождем до сумерек. Я не верил, что такой опытный воин и следопыт как Литас, может исчезнуть бесследно. Подождем.

Во дворе Рикар с проклятьями стучал молотком по доспехам ниргала, удары высекали искры, но металлические чешуйки упорно держались на месте. Рядом еще трое мужиков занимались тем же самым делом. Поодаль лежали уже снятые части доспехов и целая горка толстых металлических чешуек. Рыжий Лени уныло таскал поленья, подготавливая похоронный костер. Все при деле.

На столе меня ожидали седельные сумки старика и исходящая паром кружка. Кухарки, зная мою привязанность к бодрящему отвару, старались держать ее постоянно наполненной, и я исправно выпивал все до дна. Удивительно то, что мои люди пили в день не больше пары кружек отвара, тогда как я готов был прихлебывать его постоянно.

Открыв сумки Ситаса, я начал извлекать оттуда предмет за предметом. Здесь вещей было не в пример больше, чем у ниргалов. Хотя вещи более чем обыденные. Тяжело звякнув, на стол плюхнулся солидных размеров кошель, наполовину заполненный золотыми монетами. Хм, старик явно любит жить на широкую ногу и не стеснен в средствах. Следующими из сумки показались сверток с сухарями, запас сушеного мяса, почти пустая баклага с вином, бурдюк с водой и прочие съестные припасы. Когда я извлек из сумок все съестное, они практически опустели. Не глядя я отложил в сторону трут и кресало, туда же отправились запасной плащ, перчатки и одеяло. В отличие от ниргалов старик не отказывался от мелких удобств – холодным камням и серой вонючей каше, он предпочитал объятия теплого одеяла и пару глотков вина к мясу, провяленному весьма неплохо и с употреблением большого количества пряностей.

И все – на этом мои изыскания завершились.

К моему нескрываемому негодованию сумки полностью опустели.

Как же так? Где документы, карты, письма, подробный дневник, наконец? Не обнаружилось ничего интересного!

Я еще раз тщательно осмотрел все личные вещи старика – кошелек, плащ, перчатки – в надежде обнаружить вышитый золотом родовой герб или на худой конец метку портного, но ничего не нашел. Все это барахло ни на йоту не приоткрыло завесу таинственности над личностью Ситаса Ван Мерти. У меня даже нет уверенности, что он назвал свое настоящее имя. Я вытряхнул на столешницу содержимое кошелька – может, среди монет затерялся перстень с печаткой? – ничего кроме тускло поблескивающих золотых монет с редкими вкраплениями серебра. Да твою же так...

– Не нашел ничего интересного? – сочувственно прозвенел такой знакомый и слегка насмешливый голос.

– Не нашел. – спокойно ответил я, поворачиваясь на голос.

Ну, надо же. Баронесса Алларисса Ван Ферсис собственной персоной. С того памятного разговора под дождем я больше не видел ее – события закрутились в сумасшедшем темпе и стало не до бесед. Огромный сингерис крутился неподалеку, с интересом обнюхивая мертвых ниргалов и не обращая на нас внимания.

Под моим взглядом девушка смущенно улыбнулась и, поправив спадающую на лицо прядь волос, произнесла:

– Рикар сказал, что ты хотел принести мне свои искренние извинения за ту абсолютно незаслуженную мною вспышку твоей ярости.

– Что?! Я лишь сказал ему, что хочу поговорить с тобой! – поразился я, повернулся к напряженно наблюдающему за нами здоровяку и крикнул: – Рикар! А ну подойди сюда!

– Нет. Он так и сказал, что ты хочешь поговорить со мной. – поспешила исправиться Аля и невинно добавила: – Но ведь мы понимаем твои истинные намерения.

– Наглости тебе не занимать. – усмехнулся я и дал отмашку Рикару. – Хотя я признаю, что немного погорячился.

– Немного погорячился? – возмутилась девушка. – Ты публично оскорбил моего отца!

– Равно как и ты меня!

– В любом случае, я признаю, что обязана тебе жизнью своей и жизнью моих людей. Клянусь, что род Ван Ферсис не забудет этой услуги!

– Услуги? Я к вам в слуги не нанимался. И поверь, будь там только крестьянские дети, я бы так же сделал все возможное, чтобы доставить их в безопасное место!

– Я оговорила. – поправилась Аля. – Я хотела сказать, что мой род находится у тебя в долгу. Мой дед хорошо отблагодарит тебя за спасение своей внучки! Ты получишь столько золота и драгоценных камней, сколько сможешь унести!

– А-а-а. Другое дело. – обрадовался я и, нарочито громко шмыгнув, утер нос рукавом. – Если он подарит мне пяток свиней, то мы в расчете.

– Что... ты считаешь, что я равноценна стоимости свиньи? – взбешенно зашипела девчонка, сузив зеленые глаза и топнув ногой. – Да как ты...

– ...смеешь. – закончил я за нее и продолжил: – Алларисса. Хватит! Вообще-то я говорил о пяти свиньях, а не об одной. Давай условимся так – либо мы сейчас поговорим начистоту и прямо, без всяких высокородных кривляний, либо... либо иди и занимайся тем, чем занималась, и просто постарайся не замечать друг друга. Что выбираешь?

– Может, отварчику выпьете? – робко вмешался возникший ниоткуда Рикар, протягивая кружки, и – что самое поразительное – здоровяк старательно улыбался. – На таком холоде оно самое то будет.

Бедный Рикар боится бурного развития событий с криками и взаимными оскорблениями. Великий примиритель.

Приняв у здоровяка кружку, я с наслаждением сделал несколько глотков и выжидательно уставился на девушку. Алларисса медлила, осторожно прихлебывая отвар и смотря на меня поверх кружки испепеляющим взглядом – но я с удовлетворением отметил, что в ее глазах появились искорки задумчивости. Этого-то я и добивался. Здоровяк в свою очередь пристально осмотрел нас обоих и, решив, что нельзя выпускать ситуацию из-под своего контроля, уселся на запорошенную снегом скамью и демонстративно занялся подсчетом золотых монет. Ага, самое важное дело нашел! Нам же срочно надо закупаться! – стоящие в очереди у нашего поселения торговые караваны прямо изождались все!

Поняв, что Алларисса не собирается начинать разговор, я взял инициативу на себя:

– Слушай. Я понимаю, что ты производишь из знатного и древнего дворянского рода. Пойми – в Диких Землях титулы не значат ничего! Ты предлагаешь мне за свое спасение кучу золота и драгоценностей – но здесь золото столь же бесполезно, как и твой титул! Вон на столе целая куча монет – можешь забрать их все! – это никчемный хлам! В обмен на мешок золотых монет я не отдам и рваной оленьей шкуры! – потому как шкурой я смогу укрыться в морозы, а золото будет лежать бесполезным мусором и только занимать место!

– Господин дело говорит – поддакнул здоровяк, тщательно выстраивая монеты в столбики.

– Я не ребенок и все понимаю. – вспыхнула девушка. – Я лишь хотела показать, насколько ценю твой поступок!

Покосившись на Рикара, я продолжил:

– Для начала уясни, что ты ничего мне не должна. Я спасал детей и тебя не ради похвалы и не ради ответной услуги в будущем. И – самое главное – в моем поселении не жди к себе особенного отношения. Если я не требую особых привилегий для себя самого, то не позволю иметь их и другим. Это ясно?

– Я и не требовала никаких привилегий! – возмутилась Алларисса. – Всегда старалась помочь!

– Хорошо. Продолжай в том же духе, и мы поладим. Предлагаю на этом закончить и заняться делами насущными. Договорились?

Чуть помедлив, Алларисса кивнула и протянула руку:

– Договорились.

Осторожно встряхнув узкую ладонь, я кивнул и, выпустив руку девушки, спросил:

– Не ответишь на несколько мучающих меня вопросов? Думаю, тебе тоже есть о чем спросить.

– Нет. Все, что хотела, я уже узнала у женщин. – ехидно улыбнулась девушка и, стряхнув снег со скамьи, уселась. – Спрашивай.

Здоровяк, миг став серьезным, одним движением сгреб монеты в кошель, небрежно отбросил его на середину стола и приготовился слушать. Присутствие Рикара я только приветствовал и сразу задал самый главный вопрос:

– Алларисса, по какой причине Империя отправила вас в Дикие Земли? Чем ваш род разгневал короля? Я, к примеру, его сына пырнул кинжалом в спину. А твой отец что натворил?

– Империя? Отправила? – девушка недоуменно вздернула брови. – Ты ошибаешься. Мы основали поселение не по приказу Империи, а по прямому повелению моего деда, лорда Ван Ферсис. Империя, конечно, знала об этом – без ведома Королевской Канцелярии никто не пересечет пограничную стену – но и только. Так, во всяком случае, говорил мой отец.

– Вас сюда отправил собственный дед? – удивленно переспросил я, мельком переглянувшись с Рикаром. – Какой отец отправит сына на верную смерть?

– Не на смерть! То, что с нами случилось, лишь трагическая случайность! Кто мог представить себе, что защищающий поселение артефакт будет уничтожен одним из нас! – вспыхнула девушка. – Дед потратил целое состояние, чтобы снарядить нас всем самым лучшим!

– Хорошо, хорошо. – я примиряющим жестом поднял ладони. – Но зачем?

– Не знаю. – покачала головой Аля. – Когда отряд отправляли, я была еще совсем ребенком. Когда выросла и начала спрашивать, отец отвечал крайне скупое и часто сердился. Знаю лишь, что он постоянно требовал возделывать все новые и новые земли под поля пшеницы. Хотя для наших нужд с лихвой хватило бы и десятой части урожая. Тоже самое и с животными – свиньи, коровы, куры и прочая живность были в каждом дворе в избытке. Ледники ломались от мяса. Чердаки и подвалы домов так же не пустовали – мясо сушеное, мясо копченое, мясо засоленное, мешки с мукой и овсом. Большая часть запасов портилась, и от них приходилось постоянно избавляться. Стоило амбарам и ледникам опустеть, как отец вновь приказывал возобновить запасы. И все начиналось заново. И так год за годом.

– Интересно... – задумчиво протянул я. – Огромные запасы уже готового к употреблению продовольствия. Надо лишь наполнить сумки. Не иначе, твой отец готовил припасы для большого, если не сказать огромного, отряда.

– Да. Обычно отец добродушен, но стоило одному амбару опустеть хоть на треть, как он приходил в бешенство. В такие дни все старались держаться от него как можно дальше. Два года назад в нашем поселении вспыхнул пожар. Сгорела треть домов, и несколько амбаров превратилось в головешки. Так отец чуть с ума не сошел. Успокоился лишь, когда получил «вестник».

– «Вестник»? От кого? – живо заинтересовавшись, спросил я.

– Не знаю. Он не делился со мной. – пожала плечами девушка.

– Жаль. Ответь на еще один вопрос – ты баронесса Ван Ферсис, тогда как своего деда величаешь не иначе как лордом. Разве титул не наследуется?

– Я... – смущенно замялась девушка и, искоса взглянув на меня, продолжила: – Мы боковая ветвь рода. Мой отец незаконнорожденный сын лорда Ван Ферсис. Когда дед узнал о сыне, то купил ему титул барона и даровал право называться своим именем. Отец рассказывал, что, когда я родилась, дед был так счастлив, что устроил трехдневные празднования для всего города.

– Судя по всему, лорд Ван Ферсис щедрый и благородный человек и всей душой любит свою внучку. – поспешил я успокоить девушку. – Благодарю за откровенность. Ладно... ты беги в пещеру, а то замерзнешь.

Алларисса давно уж скрылась, пес, сделав все свои дела, весело помахивая хвостом, побежал следом, а я все задумчиво постукивал кружкой по столу – благо зачарованная и скорее стол развалится, чем она треснет.

– Я рад, что вы примирились, господин. – нарушил молчание Рикар.

– Угу. Как и я. Рикар, тебе не показалось, что рассказ Аллариссы несколько странен?

– Нет, господин. Я достаточно повоевал и хорошо знаю все эти воинские порядки. Похоже, отец этой егозы устроил перевалочный лагерь для большого отряда, чтобы люди могли несколько дней отдохнуть, возобновить запасы продовольствия и корма для лошадей. Мудрое решение.

– Это я понял, Рикар. Не иначе, старый лорд собирается в Дикие Земли, причем хочет забраться куда дальше на запад, чем мы. Ну, если сам не рискнет возглавить отряд, то отправит вместо себя надежного человека. Понятно, что обустройство поселения и накопление запасов он мог поручить лишь тому, кому всецело доверяет – пусть незаконнорожденному, но все же сыну. Мне непонятно другое.

– Господин?

– Если лорд Ван Ферсис так самозабвенно радовался рождению внучки, то как мог позволить отцу девочки взять ее с собой в Дикие Земли? Почему не оставил при себе?

Здоровяк со скрежетом почесал густую бороду и развел руками:

– И верно, господин. Я-то и внимания не обратил. Как-то не по-семейному и не по-человечески получается.

– Отправить маленького ребенка в полные опасностей края мог лишь бездушный человек... или тот, кому требуется присутствие Аллариссы в Диких Землях. Ладно, не будем гадать. Проверь стражу на стене и продолжайте разделявать тело ниргала, а я пока наведуясь в закрома нашего хозяйственника.

Собрав вещи старика в седельные сумки, я перекинул их через плечо и пошагал к пещере – вернее, к недавно сооруженной пристройке перед ней. В воздухе висел ребячий визг и смех – дети обрадовались появлению лошадей не меньше взрослых и теперь упоенно облепили смиренно стоящих животных. Несколько ребятишек старательно очищали площадку для лошадей от мокрого снега. Близнецы, натужно пыхтя, тащили охапки пожухлой травы – не иначе, перелопатили весь снег во дворе ради этих жалких стебельков. Взглянув на разведенные перед животными костры, я невольно поморщился и машинально перевел взгляд на поленницы запасенных дров. Если так и дальше пойдет, то скоро от штабелей древесины останутся лишь воспоминания. Это еще больше утвердило меня в мысли обстоятельно поговорить с хозяйственником и выяснить положение дел.

Ответив на многоголосое приветствие ребятни, я пригнул голову и вошел в пристройку. Стоило мне вдохнуть спертый воздух, и я невольно скривился в гримасе. Запашок тот еще. Сразу чувствуется, что люди проводят здесь большую часть времени. Надеюсь, Древин сможет наладить приток свежего воздуха.

С каждым следующим шагом вглубь пещеры я натыкался на проблемы, требующие моего срочного вмешательства – спертый воздух, нехватка жилого места, слишком малое количество жировых светильников, отчего пространство пещеры тонуло в густом полумраке... Как я и боялся, зима пришла слишком рано, и мы не успели толком подготовиться. Теперь все проблемы придется решать не заблаговременно, а по мере их возникновения. Что уже в корне неправильно.

Пройдя через дверной проем, ведущий в кладовую Тезки, я хмыкнул. Как есть, настоящее логово. Здесь сосредоточились все жизненно важные запасы поселения, и Тезка являлся их бессменным хранителем. Судя по примостившейся около стены широкой скамье со сложенным одеялом, он и спал здесь. Вот и сейчас, хозяйственник с деловитым бурчанием копался в вещах ниргалов, вываленных на грубо сколоченный стол.

– Тезка, я тебе еще вещичек принес. – прервал я деятельность хозяйственника. – Клади и их до кучи.

– Вещички – это всегда хорошо, господин. – довольно заулыбался он, выхватывая у меня сумку. – Да вы садитесь, господин. Чего на ногах то стоять.

Усевшись на скамью, я обвел взглядом высокие ряды полок, аккуратно выстроенные вдоль стены. Рядышком пристроились корзины. Под потолком висят гирлянды сушеных грибов, кореньев и связки мяса. Тезка умудрился задействовать с пользой каждый клочок свободного пространства.

– Ну, что скажешь? Протянем мы зиму, на этих запасах?

Посерьезнев, Тезка отложил в сторону сумку старика и ответил:

– Нет, господин. Не протянем. Если Создатель будет милостив, то доживем до середины зимы, а потом придется затянуть пояса, да потуже.

– Плохо. Что с дровами?

– Дров пока хватает. Но запасы пополнить надобно, господин. Слава Создателю, далеко ходить не надо – в ущелье еще достаточно леса для наших нужд, а теперь и лошади есть – бревна можно и волоком дотащить. Все мужикам полегче станет. Опять же, пока лес рубят, лошадки, может, пожевать чего найдут – траву под снегом там или тонкие ветви кустарника.

– Ясно. Чем еще обрадуешь?

– Шкур и кожи для пошива зимней одежды в достатке. Женщины только этим и занимаются. От холода не помрем. Обустройство пещеры мы уже закончили. Да! Вот тут еще, – Тезка подошел к пузатым корзинам у дальней стены и, ткнув их носком сапога, пояснил: – Здесь я зерно приберегаю. Если переживем зиму, то к весне будет овес и пшеница для посева. Стефий умудрился даже семена дикой кислевицы притащить. Нашел же! На первое время можем небольшое поле прямо в форте разбить. Все одно места достаточно.

– Порадовал ты меня Тезка. – похвалил я рачительного хозяйственника. – Насчет зимы ты не беспокойся. Переживем. Когда вернется Литас с людьми, продолжим охоту. Через пару дней ледник закончим. Ты мне вот что скажи – что с кормом для лошадей надумал? Кустарник кустарником, а одними мерзлыми ветками не прокормятся коняшки. Учти, тратить на них запасы нашей еды я не позволю. Самим не хватает.

– Да я понимаю, господин! Ребяшня сейчас все углы двора прочесывает, траву собирает. В ущелье-то травы прорва, надо только снег разгрести. Если позволите, то мы быстро пару стогов натаскаем.

– Посмотрим. – неохотно ответил я. Пока не вернется Литас, я не собирался высовывать нос за стену. – Посмотрим. Ладно, ты хозяйствуй, а я дальше пошел.

– Господин, вы бы рывкнули для острастки на Нилиену – не успеешь глазом моргнуть, а она каждый день что-нибудь да утащит! – чуть не со слезами на глазах попросил Тезка. – Поумерила бы она пыл! Так, глядишь, на полках скоро и не останется ничего.

– А ты здесь для чего поставлен? – рассудительно заметил я.

– Дык, у нее на все один ответ – ей слово скажи и сразу черпаком по голове получишь! Уж вас-то она послушает!

Я глубоко сомневался, что старая Нилиена станет выслушивать мои доводы, но делать было нечего.

– Хорошо. – вздохнув, согласился я. – Поговорю с кухаркой. Попеняю...

Рассыпаясь в словах благодарности, Тезка проводил меня до двери и вернулся к своим хозяйственным делам. Я же, задумчиво почесывая затылок, направился к кухне, откуда слышался ворчливый голос старшей кухарки, поторапливающей стряпух. Полюбовавшись издали, как Нилиена, потрясая здоровенным черпаком, вразумляет слишком медленных на ее взгляд женщин, я мудро рассудил, что напрашиваться на неприятности не стоит, и пошагал к выходу. Нет уж. Пусть сами разбираются, а я лучше проверю, как продвигаются дела с постройкой конюшни.

* * *

Остаток дня прошел в уже ставшими для меня повседневными хлопотах. Побеседовать с мастерами-каменщиками, подбодрить медленно поправляющихся раненых воинов, изящно уйти от темы незамедлительной постройки церкви в разговоре с отцом Флатисом, постараться отвертеться от ежедневных занятий с оружием... Не успел я оглянуться, как солнце уже клонилось к закату, а на промерзшей земле вальяжно разлеглись длинные тени.

К вечеру заметно похолодало и, рассматривая распотрошенного ниргала, я старательно приплясывал на месте, хлопал себя ладонями по бокам и вообще всячески старался согреться. Вид обнаженного изуродованного тела тоже никак не способствовал теплым мыслям, скорее, вызывал холодную дрожь.

Рикар потрудился на славу, и сейчас ниргал уже ничем не напоминал несокрушимого железного воина. Совсем недавно покрывающие его доспехи бесформенной кучей железа громоздились по обеим сторонам стола. Первым делом я начал осмотр с самих доспехов, вернее, с поразившей меня их многослойности: во внешний слой входили толстые пластины, цельнометаллические наручи и наколенники и закрытый шлем; вторым слоем шла мелкочаеистая кольчуга, полностью укрывающая тело ниргала под пластинами и оставляющая открытым лишь лицо; последней шла толстая шерстяная одежда, при виде которой у меня на язык просилось странное словечко «комбинезон». Откуда это словечко появилось у меня в голове, я не знал, но, судя по легкому уколу головной боли и нахлынувшему на мгновение головокружению, было несложно догадаться, что оно вынырнуло из моего поневоле забытого прошлого.

Я предположил, что одежда требовалась для того, чтобы ниргалы не замерзали, но здоровяк сказал, что в первую очередь она нужна, чтобы доспехи не натерли тело до кровавых мозолей. Доверяя его опыту, я предпочел согласиться и перешел к осмотру самого ниргала. Но если во время атаки я думал, что ниргалы – это неизвестная мне раса, то теперь убедился в ошибочности этого предположения. Передо мной лежал изуродованный труп обычного мужчины. Хотя в том, что это именно мужчина, можно было усомниться – на месте его мужского достоинства красовался лишь грубый уродливый шрам. Словно кто-то обычным мясницким ножом откромсал ненужные части тела и потом грубо сшил края раны портняжной иглой. Все тело ниргала было покрыто свидетельствами

постоянного участия в боях – многочисленные рубцы, шрамы и следы ожогов покрывали его вязью причудливых узоров. Хотя возможно, что он получил эти шрамы еще будучи нормальным человеком. Теперь этого не узнать.

Осмотр тела дал результаты – теперь мы точно уверены, что это некогда обычные люди, которых варварски изувечили, а затем заковали в доспехи. И я более чем уверен – это сделали без согласия жертвы. Добровольно на такое не пойдет никто. Вырвали язык, оскопили, опалили словно курицу и засунули в металл доспехов... нет, на такое не пойдет никто...

Бросив последний взгляд на распростертого несчастного, я уже открыл рот, чтобы распорядиться отправить ниргала на погребальный костер, где его уже дожидались остальные, когда мое внимание привлекли слишком одинаковые шрамы на некоторых частях тела. По одному длинному на внешней стороне бедер, бицепсах, предплечьях. Крестообразный шрам под грудными мышцами. Интересно.

– Рикар, у тебя есть нож?

– Обижаете, господин. – прогудел здоровяк и протянул мне нож – хотя, судя по размерам, он лишь немного не дотягивал до почетного звания меча. – Я без ножа никуда.

Вооружившись идеально наточенным тесаком, я наклонился над ниргалом и осторожно начал вскрывать вздутый шрам на бедре. Здоровяк шумно сопел мне в затылок, с интересом наблюдая за моими действиями. Закоченевшее на морозе тело едва поддавалось острому лезвию, но постепенно разрез расширялся.

– Господин? – не выдержал здоровяк.

– Слишком правильные шрамы, Рикар. Они явно сделаны специально. Взгляни сам. – кончиком ножа я указал Рикару на симметричные пары шрамов на теле ниргала и вновь склонился над разрезом. – Хочу посмотреть, что там внутри.

– Главное, чтобы священник этого не увидел, а то греха не оберемся. – заметил Рикар, оглядываясь по сторонам.

– Плевать. – буркнул я, продолжая расширять рану. – Эти шрамы сделаны не просто так, и я хочу узнать ответ.

Рикар прав – узри отец Флатис как мы изгаляемся над мертвым телом, крику будет много. Слава Создателю, сейчас неугомонный священник неотлучно находится рядом с ранеными.

Разрез наконец стал достаточно широким. Отложив нож, я обеими руками ухватился за края раны и растянул их в сторону. Усилия пришлось приложить невероятные – человеческое тело было едва ли не насквозь заморожено. Еще бы – столько времени труп пролежал на морозе. С отвратительным хрустом рана раздалась в стороны, и мы с Рикаром едва не столкнулись головами, торопясь заглянуть внутрь. Я оказался прав. Тело ниргала скрывало еще немало сюрпризов. В глубине раны слабо пульсировала светом непонятная штуковина, на первый взгляд больше всего напоминающая маленький шар размером с лесной орех, с множеством торчащих из него тонких белесых игл. Какая мерзость. словно тысячапалый паук свил себе гнездо внутри человеческого тела.

– Святой Создатель. – пробормотал Рикар, очумело трясая головой. – Что это за штуковина, господин?

– Хотел бы я это знать. – ответил я. – Подержи-ка края раны, надо ее оттуда достать.

Рикар не раздумывая ухватился за края разреза. Немного повозившись, я подцепил шар кончиком ножа и вытащил его наружу. Окровавленный шар с легким стуком упал на столешницу и неподвижно застыл. Выждав несколько мгновений, мы облегченно выдохнули. В глубине души я боялся, что, покинув тело, странная вещь поведет себя непредсказуемо – например, рванет во все стороны осколками, или еще что похуже. В голове сама собой появилась странная и словно бы уже где-то виденная картинка, как игольчатый шар с визгом летает по двору в погоне за вопящим и убегающим что есть мочи человеком...

Помотав головой, я отогнал непрошенные мысли и буднично спросил:

– И что это такое?

– Не знаю, господин.

– И я не знаю, а это значит, что придется сдаваться с поличным отцу Флатису. Мне нужны ответы.

– Господин, священник не обрадуется, узнав, что мы распотрошили мертвое тело. – осторожно заметил Рикар. – Может и посохом по голове приложить во имя Создателя.

– Я тоже так думаю, поэтому признаваться придется тебе. А я пока еще поковыряюсь.

Рикар обреченно побрел к пещере, а я, отодвинув пульсирующий шар от себя подальше, вновь склонился над многострадальным ниргалом.

О приходе священника я узнал еще до того, как тот вышел из пещеры в сопровождении вздыхающего Рикара – вопил отец Флатис столь громогласно, что не слышали его разве только в Империи. Взглянув на грозно приближающуюся ко мне худую фигуру, я пожал плечами и продолжил вскрывать очередной шрам. На столе к тому времени лежало уже три окровавленных шара с растопырившимися во все стороны иголками. Теперь я возился с крестообразным шрамом на груди ниргала. Тут на моем пути встала реберная клетка, так что дело шло со скрипом.

– Осквернители! Да как вы осмелились! – узрев меня, гневно возопил священник, потрясая посохом. – Остановись немедленно, сын мой! Сие есть грех смертный!

Дождавшись, когда отец Флатис приблизится, я ткнул ножом в сторону шаров и, словно не замечая гнева священника, спросил:

– А это не грех, святой отец? Я всего лишь избавляю бранные останки несчастного от вот этих милых штуквин. И заметьте, засовывали их туда еще при жизни ниргала. Да и на тело попристальной взгляните – здесь тоже поработала рука грешника. Весьма умелая рука, должен заметить. Умелая и жестокая.

Стоило священнику взглянуть на кучку на столе, как его крик словно отрезало. Изучив пульсирующие шары, старик обратил внимание на вскрытое тело, провел взглядом по изуродованной голове ниргала, поперхнулся, узрев страшный шрам на пахе. Я дал священнику время прийти в себя и продолжал крайне неумело кромсать грудь ниргала. С мерзким хрустом одно ребро поддалось и переломилось.

– Создатель милостивый. – наконец выдавил из себя отец Флатис. – Кто же осмелился на такое богохульство?

– Я это у вас хотел узнать, святой отец. – заметил я, не поворачивая головы. – Судя по всему, эти твари не в Диких Землях обретаются, а пришли к нам из Империи. Есть мысли? Например, очень хочется узнать, что это за шары такие игольчатые.

– Это не шар, сын мой. Обычная сфера из магического стекла, наполненная энергией. Такие можно купить в любой магической лавке столицы. – машинально ответил священник, уже оправившись от потрясения. – Не потеряй ты память, то знал бы это.

– Угу. Продолжайте, святой отец. – пробурчал я, с интересом прислушиваясь к его словам.

– Но сфер с иглами я раньше не видел. – послушно продолжил священник, бесстрашно беря один из шаров в ладонь и следя, чтобы иглы не проткнули кожу. – Обычно это простая сфера из гладкого стекла. Чем больше размер, тем больше энергии можно заключить внутрь. На такие сферы часто вешается заклинание, и тогда это уже защитный амулет, который носят при себе. Но не внутри тела! Прodelать такое с живым человеком может лишь тот, кто отвернулся от Создателя нашего милостивого! – вновь сорвался на крик отец Флатис.

– Согласен, святой отец. – поспешил я поддержать разгневанного священника. – А на этих сферах есть наложенные заклинания? Зачем их заключили в тела ниргалов?

– Не знаю. – в сердцах рявкнул отец Флатис. – Я лишь священник! Только маг, да и то не каждый, сможет определить, если ли там заклинание. Нам нужно

избавить тела этих несчастных от этих мерзостных сфер, перед тем как возложить их на погребальный костер. Негоже в таком виде предстать перед Создателем.

– Беру на себя сию тяжкую обязанность. – поддакнул я.

Священник покосился на меня, подозревая подвох, но я старательно удерживал на лице благостную мину – дескать, и впрямь негоже отправляться в мир иной в таком неприглядном виде. Но, на самом деле, мне было глубоко наплевать, в каком виде окажутся ниргалы на суде Создателя – меня интересовали сферы. Если в этих шарах есть хоть толика энергии, то я буду последним глупцом, позволив им сгореть в пламени костра. Главное – не дать нашему фанатичному старцу разбить их вдребезги.

Убедив отца Флатиса, что достойным образом позабочусь о мертвых телах, я с трудом отправил его восвояси и с облегчением вздохнул, лишь когда злобствующий священник скрылся за дверью жилой пристройки. Несмотря на излишнюю на мой взгляд фанатичность, святой отец являлся настоящим источником знаний.

– Рикар, распорядись снять трупы с приготовленной для погребального костра поленницы. Придется поработать над каждым в отдельности. Считай, что работой на несколько дней вперед ты обеспечен.

Здоровяк буркнул что-то себе под нос и отправился выполнять поручение. Пока я слушал священника, успел закончить вскрытие грудины ниргала и сейчас, поковырявшись внутри, выудил на свет еще одну сферу. Внешне она в точности повторяла своих собратьев и отличаясь лишь большим размером – примерно как крупное спелое яблоко. Непонятно, как ниргалы умудрялись таскать во внутренностях этакого ежа и при этом не истечь кровью. Вплотную ведь и к легким, и к сердцу прижимался жуткий игольчатый шар!

Удивительно, но провозившись несколько часов с трупами, я не чувствовал ни малейшей брезгливости или отвращения. Словно копание в чужих внутренностях для меня – обыденное занятие. Похоже, пребывание в Диких Землях быстро закаляет – ведь еще относительно недавно меня едва не выворачивало при виде мертвецов. А тут и внимания особого не обращаю на перекошенные в посмертной гримасе посиневшие лица, покрытые инеем. Не дай

Создатель и мне когда-нибудь вот так – в виде промерзшего посиневшего мертвяка лежать в снегу... нет, все мы конечно умрем, но хотелось бы более... м-м... более приличного посмертия, чем вот этот кошмар.

Бережно завернув извлеченные сферы в обрывок черного плаща, я дождался здоровяка, и мы вместе пошагали к пещере, не забыв прикрыть останки ниргала тем же плащом – после наших изысканий труп выглядел искромсанным куском мяса и представлял собой зрелище не для каждого мужика. И уж точно не для женщин и детей – хотя, пока я с хрустом врубался в грудь изуродованного воина, то не раз замечал любопытные рожицы детей, выглядывающие нет-нет из дверей жилой пристройки. Все этим чертенятам интересно...

Пещера встретила нас волной тепла и витающим в воздухе запахом жареного мяса. Желудок, напоминая о себе, громко и требовательно забурчал. Сглотнув набежавшую слюну, я поспешил отнести сферы к себе в закуток. Займусь ими позже – я решил заняться своим магическим талантом вплотную и уже знал, кого заставлю себе помочь в этом деле.

* * *

– Умение использовать свой магический талант требует долгих лет обучения и совершенствования, сын мой... – благостно вещал отец Флатис, удобно развалившись на моей кровати.

Даже сапоги грязные не снял, святая морда. Поделать с этим было нечего – злить единственного в Диких Землях учителя я не хотел. Обидится старче и уйдет, унося с собой все знания. Поэтому, скромно примостившись на краю скамьи (это у себя дома-то!), я, злобно скрипя зубами, старательно улыбался и пытался вникнуть в смысл слов святого отца. И почему-то мне при этом казалось, что священник прекрасно замечает мою не особо умело скрываемую злость и вовсю наслаждается этим. Ну, старче! Но говорил он дело, этого не отнять.

Привыкнув цветисто изъясняться перед паствой, святой отец перемежал речь витиеватыми выражениями и оборотами, нередко уходил далеко в сторону и начинал объяснять, насколько добр Создатель к своим неразумным детям, раз решил даровать им умение обращаться с магической энергией. Потом внезапно принимался убеждать меня немедленно взяться за возведение церкви, ибо сие

дело благое и весьма. В такие моменты приходилось мягко, но настойчиво возвращать отца Флатиса к основной цели нашей беседы – как мне научиться управлять своим магическим даром.

За прошедшие часы из всего словесного потока святого отца я уяснил для себя несколько важных моментов. По словам священника, в самом начале обучения и церковных послушников, и будущих магов учат относительно одинаково как в церкви, так и в магической академии. Называется это по-разному, но суть одна и та же – умение высвободить магическую энергию в виде оформленных заклинаний. А вот со временем пути обучения кардинально расходятся, причем по очень простой причине – священники и маги обращаются к разным источникам энергии.

Обычная магическая энергия словно разлита повсюду в мире и магу нужно лишь накопить ее, сформировать и исполнить заклинание, после чего цикл можно повторять. Буквально говоря, маг ограничен лишь своей способностью накапливать энергию из окружающего мира и способностью работать с большими объемами магии. Чем мощнее магический талант мага, тем быстрее он может восполнить энергию и тем большими ее объемами оперировать. Отсюда и разделение на степени. Получается, маг огня с сильным даром может практически без остановки швыряться огненными шарами, уподобившись извергающемуся вулкану, тогда как маг низшей категории с трудом зажигает свечу, да и то не чаще одного раза в день. Но маги с настолько сильным магическим талантом почти не встречаются, это воистину иголка в стогу сена, причем зачастую стогов полно, но в них вообще нет ни единой иголки. То есть, на самом деле могущественные маги рождаются очень редко.

Священники пошли другим путем. При создании заклинаний – хотя сами они избегают подобных слов, используя определение «действие» или «направленная сила» – они обращаются к своей собственной жизненной силе. Обращаются внутрь себя. Следовательно, ограничены в энергии и при сотворении магии постоянно рискуют здоровьем и жизнью. С этим утверждением я согласился – достаточно вспомнить, как задохлик Стефий с кажущейся легкостью прихлопнул заклинанием костяного паука, а затем свалился в продолжительный обморок.

Не выдержав, я указал отцу Флатису на этот существенный недостаток – ведь так и до смерти доколдоваться можно, стоит отдать все без остатка – и отправишься прямиком к праотцам. Священник сварливо ответил, что самопожертвование во имя Создателя никогда не бывает напрасным. Возразить

я не рискнул и предпочел слушать дальше, хотя сделал зарубку в памяти – категорически запретить Стефию настолько «вычерпывать» себя. А то на самом деле помрет паренек – он и так тощий как щепка.

Священники зачастую рискуют жизнью при сотворении «чуда», а магам подобная печальная участь не грозит. Они не трогают собственные резервы силы, предпочитая использовать даровую энергию, разлитую повсюду – знай собирай.

Из-за этих существенных различий священники делают упор на как можно более эффективном использовании ограниченного количества энергии, тогда как маги учатся способам быстрого накопления энергии в как можно большем объеме – чем больше сил вложишь в заклинание, тем более мощным оно получится и тем дольше продержится. В моем случае, чем больше энергии я смогу вложить в тот или иной предмет, тем прочнее он стане.

Как оказалось, самый большой сюрприз ожидал меня позднее – разницей между обычной магией, наполняющей мир, и силой Создателя было то, что воспользоваться последней мог любой человек вне зависимости от своего магического таланта – стоило вложить толику силы в простенькую молитву, изгоняющую зло, и она превращалась в действенное против нежити заклинание.

Священником мог стать любой... так же, как и некромантом. В обоих случаях не нужен талант, дарованный свыше. Нет. Нужно лишь желание постигнуть знания – светлые или темные. Упокаивать нежить или же поднимать из могил мертвецов...

И священники, и некроманты используют для сотворения заклинаний жизненную силу. Причем священник довольствуется лишь силой, дарованной ему Создателем, а некроманты предпочитают выкачивать энергию для заклинаний у других, используя собственные силы лишь в случае крайней нужды. Отсюда и кровавые ритуалы жертвоприношений, позволяющие досуха опустошить жертву – ведь никто добровольно не согласится отдать даже толику своей жизненной силы.

«Силу – силой!» – этим девизом руководствовались некроманты, забирая чужую жизненную энергию именно силой, против воли жертвы.

К моему сожалению, вдаваться в подробности о магии некромантов, отец Флатис не пожелал, буркнув лишь, что это путь, ведущий напрямик в объятия Темного. Настаивать я не решился, и беседа плавно перетекла на магические сферы.

Несколько веков назад – еще до великой войны магов, что превратили некогда цветущий край в нынешние Дикие Земли – многолетние исследования магической академии по поиску сосуда, способного удержать энергию, увенчались успехом. Так на свет появились первые сферы с энергией. Сама по себе, такая сфера является лишь хранилищем, но если наложить на нее, к примеру, заклинание воздушного щита, то она становится защитным амулетом, срок службы которого ограничивается лишь запасами энергии в сфере. К тому же, сферу всегда можно наполнить вновь в любой магической лавке – была бы звонкая монета и сведущий волшебник поблизости.

Внимательно выслушав объяснения священника, я снова не удержался и задал вопрос:

– Отец Флатис, в сферах, что мы нашли в теле ниргала, энергия словно пульсирует. Да вы и сами видите – указал я на лежащие рядом шипастые шары – Отчего это?

– Здесь я помочь не могу, сын мой. – степенно ответил священник. – Обычно, сферы мягко сияют, иногда внутри них переливаются световые волны и сполохи. Пульсирующих сфер, равно как и со стеклянными иглами, я не видел. Но уверенно могу сказать, что в них нет зла.

– Радует. – задумчиво протянул я, глядя на сферы. – Значит, можно смело их использовать.

– Использовать? – ехидно рассмеялся священник. – Сын мой, не сочти за грубость, но для тебя эти сферы бесполезны. Высвободить энергию легко, а вот чтобы удержать ее и суметь использовать, требуется недюжинное мастерство. Поговорим об этом позже. – святой отец, кряхтя, поднялся с кровати. – Пора проверить раненых.

– Со временем смогу. – отозвался я и уже в спину уходящего священника поспешно спросил: – Святой отец! Благодарю за столь подробные объяснения, но я так и не понял, как мне научиться пользоваться своим даром?

Отец Флатис неохотно остановился и ответил:

– Первому, чему обучают недавно поступивших в академию учеников, это как прикосновению к своему магическому дару. Для начала просто постарайся увидеть разлитую вокруг нас магию.

– Увидеть? – пораженно переспросил я. – Святой отец, как я могу увидеть то, что невидимо?

– Мысленно! – раздраженно рявкнул отец Флатис. – Вокруг нас разлиты энергетические потоки, и раз ты их не видишь, то и разговаривать не о чем. Закрой глаза и смотри!

Бормоча что-то сильно напоминающее ругательства, священник ушел, оставив меня наедине с моей рвущейся наружу злостью. Вот вроде и поговорили, и узнал я много... но ведь ничего толком не понял! Ехидный священник как всегда напустил туману и испарился.

Как он там выразился?

Закрой глаза и смотри! Очень логично!

Я тоже могу изречь не менее мудрые слова, например, – «заткни уши и слушай!». Проклятье!

Стараясь успокоиться, я несколько раз глубоко вздохнул и сосредоточился на услышанном от священника. Большею частью это были лишь общие и донельзя размытые объяснения, но и из них следовало извлечь максимум пользы.

Значит, маги независимо от своего магического таланта используют внешние источники энергии, которые, как туманно выразился святой отец, буквально разлиты вокруг нас. Собирают энергию, трансформируют в заклинания и высвобождают с тем или иным результатом.

Священники и не к ночи помянутые некроманты используют жизненную силу. Священники творят магию, опираясь на собственные запасы внутренних сил, некроманты же берут все, что под руку попадет, начиная с животных и кончая

людьми. Милая практичность и чудовищная неразборчивость.

Получается, что разница между силой Создателя и темной магией, это лишь моральные устои?

Надо будет уточнить у святого отца сей тезис. Вот только не сейчас – пора начинать самообучение.

Перебравшись на кровать, я поудобней уселся и выжидательно уставился перед собой. Просидел так добрую четверть часа, напрягая глаза и стараясь узреть энергетические потоки. Ничего. Зато в подробностях рассмотрел стену пещеры и теперь мог точно сказать, сколько на ней трещин, где именно они расположены и в какой рисунок складываются. Негусто.

Потерев воспаленные глаза, я решил последовать донельзя дурацкому совету отца Флатиса – просто смежил веки и попытался расслабиться. Следующая четверть часа ознаменовалась лишь тем, что меня начало клонить в сон, но я стоически боролся с этими позывами и старался увидеть хоть что-то, кроме темноты перед глазами.

Когда я уже совсем отчаялся и собирался плюнуть на все и открыть глаза, передо мной возник сверкающий всем цветами извивающийся водоворот энергии. Он вращался на расстоянии вытянутой руки, и я благоговейно замер, пораженный буйством красок. От стен, потолка и даже из пола, к водовороту тянулись разноцветные нити энергии и мгновенно вовлекались в бурлящий танец. Красота, которую невозможно описать словами. Не знаю, сколько я так просидел замороженный открывшейся мне картиной. Никак не меньше часа. Мысли в моей голове текли подобно ленивой медленной реке.

И почему сварливый священник утверждал, что это трудно? Мне потребовалось не больше часа, чтобы добиться успеха.

Наконец решившись, я осторожно протянул дрожащую руку, чтобы дотронуться до этого чуда...

– Господин, просыпайтесь. – в мое сознание ворвался ворчливый голос здоровяка, и тяжелая рука бесцеремонно потеребила меня за плечо.

– А? Что? Где? – ошалело подскочил я и, продрвав сонные глаза, обнаружил, что лежу на холодном полу в шаге от кровати. – Кто напал?

Так это был лишь сон?

– Никто не напал, господин. – буркнул Рикар, удивленно смотря, как я, постанывая, с трудом поднимаюсь на затекшие ноги. – Скоро восход. А что это вы рядом с кроватью спать вздумали?

– Ээ-э... Захотелось мне так! – нашелся я с ответом. Не признаваться же, что как полный дурак сидел с закрытыми глазами до тех пор, пока меня не сморил сон. – А ты чего?

– Я ничего, господин. – твердо ответила моя бородатая нянька. – А вот вы – чего. Пора позаниматься с мечом.

– Ох. – застонал я. – Рикар, давай начнем с завтрашнего дня?

– Нет. Пойдемте, господин, благо вы уже одеты. – не поддался Рикар и протянул мне миску с водой.

Причитая и проклиная свою судьбу, я поплескал в лицо холодной водой и поплелся за здоровяком.

Жизнь продолжалась своим чередом, и некоторые вещи оставались неизменными.

Глава вторая

Прибытие

– Вытяжку мы наладили, господин, – отчитывался старший брат каменщик, – в стенах сделали несколько дополнительных щелей для притока воздуха.

– Что с конюшней? – поинтересовался я, с наслаждением делая первый за утро глоток бодрящего отвара. Надоедливый снегопад наконец прекратился, что несказанно радовало – сугробы во дворе были уже по колени взрослому человеку. Если вчера воздух во дворе подмораживал и заставлял ежиться, то сейчас дышал настоящей стужей и хотелось немедленно укрыться в тепле.

– Заканчиваем возводить стены. К завтрашнему дню и крышу положим. Благо из дерева строим – с камнем мороки было бы не в пример больше. Сегодня же начнем класть печь для обогрева, еще одну ночь на таком холоде животные не перенесут.

– Неплохо. – прокомментировал я, глядя как укутанные в меховую одежду мужчины, копошатся на стенах конюшни. – Не маловата ли постройка?

– На десяток лошадей с лихвой хватит. – отозвался Древин. – Рядышком еще навес для сена пристроим, да и ладно будет.

– Когда ледник заложите? – продолжил я расспросы, хозяйским взглядом охватывая свои владения.

– С ледником посложнее будет, господин. – несколько виновато ответил мастер. – Для него надо яму рыть, да поглубже. Иначе к весне все потечет. Я так считаю, что сейчас нам ледник и не надобен вовсе – при такой-то холодине мясо можно и во дворе без опаски оставлять.

Когда до меня дошел смысл слов мастера, я удивленно замер. А ведь и верно. В отличие от меня мастер-каменщик зрит в корень. К чему сейчас строить абсолютно ненужный ледник, когда на дворе такая холодина? Лишние затраты сил и ресурсов. Нам и без того есть где хранить мясные туши – брось на деревянные настилы, дай замерзнуть, присыпь снежком и льдом. И готов – до наступления тепла мясо в полной сохранности.

– Правильно! – с уважением сказал я. – С ледником повременим. Есть дела и поважнее. У меня возникла мысль, как увеличить место в пещере, а то сейчас между лежанками и не протиснешься толком.

– Слушаю, господин. – кивнул Древин и взмахнул рукой, подзывая брата. – Думаете, стоит увеличить пристройку?

– Нет. – покачал я головой. – Слишком много мороки. Воспользуемся казарменным опытом. В общем, начинайте мастерить двухъярусные кровати. По центру свод пещеры достаточно высок, и нам это на руку. Считай, в два раза больше места выгадаем. Чем не польза?

– Как-как, господин? – изумленно вытаращился Древин. – Какие кровати?

– Вы что, ни разу в казарме не были? – удивленно спросил я. – Обычные двухъярусные кровати.

– Господин, в разных казармах я, почитай, полжизни провел. – медленно ответил каменщик. – Считай, мой дом родной. Но мы все больше в гамаках да на скамьях почивали. Бывало, прямо на полу, поверх лошадиных попон или на сене спали. Всяко бывало. Но о таких чудных кроватях не слыхивал...

– Я тоже о таких кроватях и не слыхивал, господин. – встрял Древин, переглянувшись с братом.

– Та-ак. – озадаченно протянул я. – Ладно, это дело поправимое.

Вооружившись длинной палкой, я прямо на снегу начертил схему обычной двухъярусной кровати, благо ничего заумного там не было. Братья припали к чертежу и, быстро разобравшись в деталях, начали бурно обсуждать будущие кровати, начисто забыв обо мне.

Я же, несколько ошеломленный услышанным, отошел в сторону и крепко задумался. В моей голове было четкое видение длинного помещения с ровными рядами двухъярусных кроватей. Вспомнился, несомненно, солдатский жаргон, неистребимая вонь потных тел...

Уверен, что это не грезы, а обрывок воспоминания из моего забытого прошлого, всплывший в голове сегодня утром после пробуждения. Это точно не память барона Кориса Ван Исера – молодой дворянин никогда не нюхал армейскую жизнь. Вся его юность прошла в родовом замке, а после смерти отца он стал завсегдаем столичных трактиров. Но тогда чье это воспоминание?

Откуда у меня память о военных буднях, если я ни разу не переступал порог казармы? Все мои тщетные попытки разобраться с кашей в голове прервал острый укол головной боли, намекающий, что пора прекратить копаться в прошлом. Ладно, оставим это на потом.

Одна надежда, что со временем память вернется, и вот тогда я наконец смогу собрать все разрозненные кусочки мозаики в одну ясную картину.

Братья-мастера закончили разбираться с чертежом и повернулись ко мне:

– Уверен, трудностей не возникнет, господин. – сказал Древин сразу за обоих братьев. – Как достроим конюшню, так и кровати начнем мастерить с помощью Создателя.

Кивнув, я прихватил с собой кружку, где плескались остатки остывшего отвара, и пошел взглянуть поближе на укрытых попонами лошадей, рядом с которыми суетливо хлопотала ребятня. Пора познакомиться получше с нашей четвероногой добычей, которой уготована судьба тягловой силы... ну или жареного куска мяса в крайнем случае. Тут уж не угадаешь.

Приблизившись к смирно стоящим животным, я обнаружил, что абсолютно не разбираюсь в лошадях. Нет, я, конечно, понимал, что такое лошадь и для чего она служит в хозяйстве. Видел, где голова, а где хвост, знал, что такое грива и копыта. Но разобраться с породой, сказать верховая это животное или сугубо для перевозки тяжести я не мог.

Интересно, я верхом-то ездить умею?

Надо будет как бы мимоходом поинтересоваться у здоровяка, только осторожненько – а то к занятиям мечом еще и уроки верховой езды добавятся.

Глядя, как лошади меланхолично пережевывают пожухлые стебли травы, и как тает на глазах небольшая охапка сена, я мысленно присвистнул. Те еще обжоры. Надо как можно скорее организовать вылазку за стену. Увеличить запасы дров, набрать достаточно травы для корма животных.

– Вижу движение! – тревожный голос стражника разнесся над двором форта и на мгновение погрузил всех в ступор.

Дождались.

Рывком очнувшись, я выронил кружку и огромными прыжками понесся к ведущей на стену лестнице. Остальные тоже пришли в себя, и сейчас двор напоминал залитый водой муравейник – женщины и дети спешно скрывались в пещере, мужчины, подхватив оружие, бежали к стене, на лицах читалось смешанное выражение – надежда вперемешку с испугом. Нам было кого ждать с той стороны, но это могли оказаться и неожиданные гости.

«Лишь бы не вновь ниргалы!» – мелькнуло у меня в голове, пока я взлетал по лестнице.

Стоя на стене и всматриваясь вдаль, я чувствовал, как по моему лицу расплзается счастливая улыбка. Сегодня удача была на нашей стороне.

Не знаю, чем мы заслужили милость Диких Земель, но это были не ниргалы и не шурды, а столь истово ожидаемая нами группа Литаса. Всадники неслись прямоком к стене, я уже отчетливо различал пригнувшуюся к шее лошади коренастую фигуру Литаса. Пересчитав едущих, я убедился, что вернулись все и, судя по тому, как уверенно они держатся на лошадях, раненых нет. Я облегченно выдохнул и возблагодарил Создателя.

Мучительное ожидание закончилось.

Заскрипев лебедкой, подъемник вздрогнул и начал опускаться. Правда, спуститься ему удалось лишь на пару локтей, не больше – подоспевший Рикар рывкнул на излишне ретивых стражников, и платформа застыла на месте. Подбежав ко мне, он наклонился к моему уху и сказал:

– Господин, не будем торопиться. Позвольте сначала мне с ними парой слов перекинуться. Осторожность не помешает.

Помедлив, я молча кивнул и почувствовал, как моя улыбка меркнет и сползает с лица. Нечего сказать, умеет Рикар отрезвлять горячие головы.

Быстро пролетев разделяющее нас расстояние, всадники осадили лошадей у подножия стены и спешили.

– Стража! Ослепли что ли? – задрал лицо вверх, крикнул Литас. – Вы нас пускать собираетесь?

– Чего разорался! – высунув голову за край стены, рывкнул Рикар, и подозрительно спросил: – А вы вообще кто?

– Как кто? – опешил Литас и растерянно повернулся к остальным охотникам. – Рикар, да ты, никак, последнего ума лишился?! Это же я, Литас!

– Ты поговори мне тут. Враз каменюгой по голове приголублю. – пригрозил здоровяк. – Много вас тут таких шляется. Чем докажешь? Вот я, например, кто? Знаешь меня?

Ожидающие у подножия стены люди удивленно переглянулись и, задрал головы обрушили на здоровяка поток ругательств. Оказалось, знали они здоровяка весьма хорошо.

Чего я только не услышал – и про самого здоровяка и его сомнительные отношения с дряхлой самкой склирса, и про его родню, тоже не отличающуюся особой разборчивостью в любовных утехах. Выразили сомнение в умственных способностях Рикара. Задумались над тем, зачем здоровяку такая длинная борода. Оживленно сравнили его лицо с мордой дрефа и пришли к выводу, что не стоит оскорблять столь красивое животное как дреф, ставя его в один ряд с такой уродливой образиной как Рикар.

Все присутствующие на стене благоговейно замерли и счастливо внимали льющейся брани. Я, прикрыв рот ладонью, честно старался не заржать, но получалось у меня плохо.

Побагровевший Рикар стойко держался и отбивался как мог, но выстоять против слаженной атаки охотников шансов не было.

Литас с блеском завершил доказательство своей теории о любовных предпочтениях здоровяка, заслуженно получил в награду восторженные крики

защитников форта и лишь затем небрежно поинтересовался у взбешенного Рикара:

– Ну как? Теперь узнаешь? Или еще чего вспомнить?

– Ах ты! Да я тебя! С-соб-бствен-ным-ми рук-ками... – заикаясь от душившей его злобы, начал Рикар, но закончить ему не удалось.

– В них нет зла. – проскрипел над стеной голос отца Флатиса и, взмахнув полой белого плаща, священник гордо удалился.

Взглянув на судорожно цепляющегося за топор здоровяка, я сочувственно похлопал его по плечу и крикнул:

– Опускайте подъемник. Да передайте Нилиене, чтоб столы накрывала – радость у нас.

* * *

Торжество удалось на славу. Нилиена расстаралась, и поставленные рядами столы ломились от еды. По такому случаю я распорядился отложить работы. Впервые за долгое время все население форта собралось за обедом и праздновало возвращение следопытов. За столами отсутствовало лишь несколько человек – само собой, стража продолжала нести пост на стене, ну и небольшая группа во главе со мной сидела чуть поодаль за отдельным столом и внимательно слушала рассказ Литаса.

Как всегда, здесь находился здоровяк, бок о бок сидели братья-мастера, конечно, не обошлось без отца Флатиса, скромно примостившегося у края стола. Тезка предпочел заняться уходом за уставшими лошадьми и сейчас хлопотал во дворе. Оголодавший Литас подгрел к себе наполненные до краев миски и жадно насыщался, впрочем, набитый рот не мешал ему говорить:

– Не поймали мы сморчка поганого, господин. – в сотый раз сокрушенно повторил Литас. – А ведь по следам шли! След-то он четкий оставлял, сразу видно – в лесах не бывал, да от погони уходить ему не приходилось: сквозь заросли напролом прорывался, на глине наследил, а ведь что стоило по камням

пройти, да, видать, не додумался старый склирс. По таким следам только слепой не прошел бы!

– Да ну? – саркастически буркнул здоровяк, в сердцах ударив кулаком по столу. – А что ж вы его не поймали тогда? Ослепли внезапно? Эх, надо было мне с вами пойти! От меня-то уж не ушел бы!

– И сидел бы сейчас на моем месте, сопли утирая! – взвился Литас. – Я-то уж получше тебя следы читать умею, да только не в следах дело! Уверен я – без магии не обошлось!

– Успокойся, Рикар. – вмешался я и переспросил: – Магия? Поясни-ка.

– Господин, на что угодно готов спорить, что тот старик – маг! Ну не мог от меня обычный человек на своих двоих уйти, да еще по лесу и снегу! Да и догоняли мы его сколько раз!

– Догоняли? – удивленно спросил я. – В смысле? Старика догоняли?

– Угу. – промычал охотник и, наспех прожевав кусок мяса, пояснил: – По-другому тут не скажешь, господин. Как есть догоняли – шум шагов слышали, видели, как ветви кустарника колышутся, пару раз я даже звук его дыхания уловил – старик, похоже, давненько не бегал и дышал словно лошадь загнанная. Хрипел натужно на всю округу.

– Ну? – здоровяк нетерпеливо подался вперед. – Так что же вы?!

– А что мы? – развел руками Литас. – Мы туда... да куда там! Прошерстим все вокруг, а старика нет! Вот и следы указывают, что здесь он, словно в паре шагов от нас стоит и, надо только руку протянуть, а найти не можем. Покрутимся на месте как щенки слепые, а потом словно пелена с глаз спадает, и на новый след натываемся. Свежий совсем. Мы на лошадей да в погоню. Пол-лиги отмахаем, и вот чувствую, что старик совсем рядом, но не вижу! И опять все по кругу – ищем, но найти не можем! Маг он, господин. – убежденно сказал Литас. – Маг! Глаза нам отвел, не иначе.

– Маг с даром «соприкосновения умов». – словно невзначай сказал отец Флатис. – Не очень сильный... я думаю, что не больше шестой степени. Ну или пятой, но никак не выше.

Оглядев наши ошарашенные такой осведомленностью лица, священник хмыкнул, не торопясь, выбрал с ближайшей тарелки моченый грибок, и лишь употребив его по назначению, пояснил:

– Я обучался в имперской академии магов, до того... как избрал иной путь. Но сейчас не об этом речь. Литас, скажи, во время заминок со следами, у тебя не возникало чувства, что на тебя кто-то смотрит?

– Было такое, святой отец. – удивленно подтвердил Литас. – Тяжелый такой взгляд в спину. Ненавидящий. Но стоило обернуться, как это чувство пропадало.

– Все верно. – удовлетворенно кивнул священник. – Он действительно отвел вам глаза. Уверен, что, когда вы искали его в кустах и на деревьях, он стоял в шаге от вас и наблюдал. Когда вы уходили достаточно далеко, он опять ударялся в бега. Так и ушел.

– Интересно. – протянул я свое излюбленное словечко. С каждым днем отец Флатис преподносил все больше сюрпризов. Так, глядишь, скоро выяснится, что он происходит из королевского рода, чем Темный не шутит. – Отец Флатис, а откуда такой твердый вердикт о силе магического таланта этого Ситаса Ван Мерти? Почему же не высшей степени?

– Будь он магом высшего ранга, то сейчас Литас не сидел бы здесь и не уплетал это удивительно вкусно приготовленное жаркое за обе щеки. – усмехнулся отец Флатис и, не церемонясь, пододвинул поближе к себе блюдо с мясом. – Ты принял правильное решение, когда решил отправить в погоню сразу шестерых воинов. Магу просто не хватило сил справиться с таким количеством людей, это их и спасло.

– То есть, будь их меньше, то этот Ван Мерти убил бы их? – уточнил я.

– Ну, зачем же сразу убил. Таким добром в Диких Землях не разбрасываются. – покачал головой священник. – Думаю, будь у мага побольше сил, то сейчас он добирался бы до Пограничной Стены не один, а в компании верных слуг, готовых

выполнить любую его прихоть. Не стоит недооценивать силу магов-ментатов.

Судя по побледневшему лицу Литаса, охотник в красках представил себя в роли безвольного раба, и я поспешил его отвлечь:

- И когда вы старика окончательно потеряли?

- На второй день, господин. - приходя в себя, ответил охотник. - Пока мы его по ущелью преследовали, то знали, в какой стороне искать - выход-то один. А как из ущелья вышли, то и след потеряли. Старика словно сам Темный оберегает - начавшийся снегопад все следы укрыл. Мы еще полдня круги нарезали, да все впустую - ни единого следа не нашли. Словно испарился.

- Другие следы были? - мимоходом спросил здоровяк.

- Нет. - уверенно ответил следопыт. - Пару раз на заячий след натыкались, стадо оленей в ельнике заметили. Больше ничего. Так и вернулись ни с чем. Простите, господин, подвел я вас.

- Не подвел. - отрицательно покачал я головой. - Главное, что вернулись в целости и сохранности. Значит, старик ушел, и я почти уверен, что сейчас он движется к Пограничной Стене. Без лошади, без одеял и без запасов еды. Кто-нибудь заметил, было ли у старика оружие? В снятых с его коня сумках оружия я не нашел.

- Кажись, на поясе кинжал висел. - неуверенно сказал Рикар и, почесав затылок, добавил: - И небольшая сумка на боку. Больше ничего не заметил.

- Я тоже краем глаза зацепил. - подтвердил Литас. - Была сумка.

- Ясно. У старика кинжал и сумка с неизвестным содержимым, а на нашей стороне ударившие морозы, снегопады, все остальные опасности Диких Земель, включая шурдов и долгие дни пути до границы с Империей. Меня такой расклад более чем устраивает. На этом и остановимся - у нас своих проблем хватает. Рикар, пошли кого-нибудь за Тезкой и раз уж мы все здесь собрались, давайте-ка обсудим наши дела.

Отступление первое

Облепленные снегом еловые лапы плохо защищали от порывов ледяного ветра и старика трясло от холода. Плюющееся дымом пламя с трудом вгрызалось в отсыревшую древесину и почти не давало столь жизненно необходимого тепла. Прислонившись к еловому стволу, Ситас поворошил угли, и устало смежил веки. Изнуряющая погоня лишила его остатков сил.

Старик сбился со счета, сколько раз ему приходилось собираться с силами и вновь накладывать на себя заклинание «полной незначительности».

Сколько раз он, затаив дыхание, наблюдал, как всего в шаге от него следопыты переворачивали все вверх дном и озадаченно крутились на месте, потеряв след.

Сколько раз он со страхом дожидался, когда они отойдут на достаточное расстояние, и вновь кидался в бега, на ходу собирая жалкие крупички энергии.

Проклятые охотники с легкостью находили оставленный им след и вновь бросались в погоню!

Теперь старик точно знал, каково приходится загнанному волку – за последние дни он пережил это ощущение не единожды и запомнил на всю жизнь. О, да! Он помнил, как дающий силы страх медленно перерастает в чувство обреченности и отупления. Как сердце рвется из груди, а холодный воздух опалает легкие. В его ушах все еще гремели голоса загонщиков и слышались четкие приказы их предводителя: «Проверь там!», «Старик должен быть здесь!», «Рассредоточиться и прочесать местность!», «Найти его, найти!».

Теперь старик знал... нет! Теперь он был уверен!

Повелитель ошибся! Ошибся очень сильно, когда выбирал жертву для наложения печати Арзалиса.

Это не просто деревенские увальни-охотники на службе у никчемного сына барона! Здесь чувствовались многолетний боевой опыт и имперская выучка! Его преследовали хорошо обученные солдаты!

Уйти удалось лишь чудом и благодаря тому, что у следопытов не оказалось с собой собак. Заклинание «незначительности» может обмануть того, кто видит глазами, но бессильно перед острым собачьим нюхом.

С трудом изгнав из головы тяжкие воспоминания, старик подбросил в костер припасенный хворост и, открыв висящую на поясе сумку, заглянул внутрь. Достал оттуда небольшой замшевый мешочек и, развязав тесемки, вытряхнул на дрожащую ладонь «Вестник».

Надо сообщить Повелителю о провале возложенной на него миссии. Надо сообщить.

Поглядев на медленно разгорающийся на дрожащей ладони «Вестник», старик с всхлипом вздохнул, зябко передернул плечами, но так и не решился сжать кулак. После небольшого промедления светящийся шар вновь отправился в мешочек, и старик накрепко затянул горловину.

Повелитель разгневадается... очень сильно разгневадается, когда узнает, что миссия провалена... и дрожащий старик хорошо осознавал, на кого Повелитель изольет свой пылающий гнев.

Он отправит «Вестник». Обязательно отправит... но не сегодня.

Постанывая, старик придвинулся поближе к огню и постарался задремать.

Ему предстоял долгий путь. Надо набраться сил...

Глава третья

Излишняя забота здоровяка

Как оказалось, ездить верхом я умел. Пусть несколько кособоко, но в седле я держался достаточно уверенно, а большего мне и не требовалось.

Но сказать, что от этого мы сильно выгадали в скорости, я никак не мог – ущелье занесло снегом, и кони, тяжело проваливаясь, с трудом продвигались вперед. Единственная радость – не приходилось самому лезть в это снежное месиво. Пока лошади неспешно двигались вперед, я осматривал округу. Меня интересовало все – остался ли поблизости от поселения лес, есть ли возможность собрать из-под снега траву для прокорма лошадей...

Конечно, можно было просто расспросить охотников, но, воодушевленный успешным возвращением группы Литаса, я решил хорошенько осмотреть ущелье собственными глазами. Пожалуй, я единственный из всего поселения столь мало бывающий за его пределами – мужчины выходят на охоту, женщины вместе с детьми постарше собирают растительную пищу. И только я словно сыч сижу в четырех стенах и не сую нос наружу. Непорядок. Ну и самая главная причина – я хотел отвлечься от тяжелых раздумий о будущем. Каждодневные проблемы давили на меня, и поездка на лошадях по ущелью – самое то, чтобы развеяться.

Помимо бессменной няньки Рикара, обогнав нас на пару лошадиных корпусов, ехал рыжий Лени с взведенным арбалетом в руках и старательно крутил головой по сторонам, высматривая возможную опасность. Это была единственная моя уступка здоровяку, пытавшемуся навязать мне десяток воинов в охрану – рабочих рук и так не хватает, а отъезжать далеко от стены я не собирался. К тому же едва занялся рассвет, Литас увел людей на охоту, прихватив с собой лошадей. В моем распоряжении осталось лишь четыре коняги. Ими-то я и воспользовался.

К моему несказанному удивлению в последний момент с нами напросилась Аля. Пока я думал, как помягче отказать и не обидеть при этом, здоровяк зычно крикнул Лени, чтобы подготовили лошадь для баронессы. Пришлось мне довольствоваться злым взглядом в сторону Рикара, который тот предпочел не заметить. Нарушать шаткое перемирие с Аллариссой не хотелось, и отменять его распоряжение я не стал.

Так мы и ехали, растянувшись цепочкой по ущелью, следуя по оставленной охотниками борозде. Морозный воздух не располагал к беседе, и каждый думал о своем. Я размышлял о поразительной доброте здоровяка к Аллариссе. Вообще Рикар в последнее едва не на руках носит девчонку, и та беззастенчиво пользуется его уступчивостью. С чего бы это обычно столь непрошибаемый здоровяк так хорошо относился к девушке?

«Неужто влюбился, старый склирс? – мелькнуло у меня в голове и, рассмеявшись этой мыслью, я дернул за поводья, объезжая занесенный снегом валун. – Глупости. Она ему во внучки годится. Хотя не скрою, красотой ее Создатель не обделил. Тут и дряхлый старец оживет, а Рикар еще полон сил».

– Ох, и красивая, чертовка! – прогудел у меня над ухом незаметно подъехавший Рикар. – А ведь молоденькая совсем, еще и не расцвела.

Он что мысли читает? Опаньки! Похоже, я угадал. Влюбился-таки! Неожиданное открытие так рассмешило меня, что пришлось до крови закусить губу, чтобы не заржать во весь голос – обижать почти родного мне здоровяка я никак не хотел. Из глубин памяти выплыло изречение – любви все возрасты покорны. Вот и здоровяк не устоял перед этим недугом.

Собрав все силы и состроив серьезную мину, я кивнул и сквозь зубы выдавил:

– Угу. Очень.

– А ведь самый возраст для замужества! Что скажете, господин? – продолжал свое здоровяк, ничуть не смущаясь моей немногословностью.

– Точно. – согласился я и поспешно отвернулся в сторону, чтобы скрыть расплзающуюся на лице улыбку.

– И ведь, что самое удивительно, так ведь и по титулу подходит. Ну не странно ли? И священник под боком, все одно без дела сидит...

– Ага. – машинально кивнул я, и тут до меня дошло: – Что?! Что ты сказал?!

– По титулу подходит, говорю. – благостно повторил здоровяк. – Не странно ли?

– Рикар!

– А что Рикар? – деланно удивился здоровяк, разведя руками. – Я дело говорю.

– Дело?! Да ты, никак, женить меня вздумал?! Даже о священнике позаботился! – взорвался было я, но, заметив удивленный взгляд Али, осекся и

продолжил почти шепотом: – Спятил?!

– Господин, о вас же забочусь. – несказанно обиделся Рикар. – Ладно я, пень замшелый, свое уже отгулял. А вы?

– А что я?

– Раньше каждый подол задрать норовили, а последнее время на женщин и не смотрите вовсе! – выложил Рикар главный козырь. – А без ентого дела никак нельзя – такая тоска подступает, что и до удавки недалеко. Уж я-то знаю! Достаточно на гарнизонах насиделся!

– Ты по себе не суди. – огрызнулся я, лихорадочно прикидывая, доносятся ли звуки нашей «семейной» перепалки до баронессы. Надеюсь, что нет, иначе позора не оберешься. – У меня с этим проблем нет.

– Господин, может, после той охоты окаянной случилось что? – не отставал здоровяк. – Ну... с этим самым? Вы же мне как родной, уж не таитесь от меня – я и травки особые знаю ежели что. Вмиг заварю настойчик.

– Себе завари! Рикар, нормально у меня все! Не понимаешь?

– Ежели я чего и не понимаю, господин, – ворчливо ответил здоровяк, – так это когда молодой парень на девок не заглядывается! О вас же забочусь! С утра до ночи по хозяйству носитесь, дела решаете... сгорите вы так, господин. Отвлекаться надо! Душой отмякать надо. А без женщины тут никак!

– Ох... – простонал я. – Рикар, твою ж так... Слушай! Последний раз говорю – нормально у меня все с этим делом! Самому-то когда последний раз молодка постель стелила?

– Ну, молодка, аль не молодка, а случается, – с достоинством прогудел Рикар, поглаживая бороду. – Как без этого?

– Ну-у-у... ну и ладно. – несколько ошарашено буркнул я. – А я сам как-нибудь разберусь! Понял?

– Понял, господин. Вот только, пока вы разбираться будете, уведут ее! Девка-то справная!

– Да за милую душу! Еще и ручкой вслед помашу! Рикар, надеюсь, ты с таким же вопросом к Але не подкатывал? А? – спохватился я.

– К баронессе? – уточнил здоровяк. – А что ее спрашивать-то? Чай не шурда в постель подкладываем. Она еще благодарить должна, что вы ей такую милость оказываете!

Ну да. Представив, как именно «отблагодарит» меня баронесса, узнав о коварных планах здоровяка, я не выдержал и расхохотался. Так «отблагодарит», что мало не покажется ни мне, ни чрезмерно заботливому опекуну.

– Вы у нас мужик справный, руки ноги на месте, да и титулом не обделены. Приданного, опять же, не требуем. – степенно рассуждал здоровяк, покачиваясь в седле. – А ежели случись чего, и орелик ваш сонный просыпаться не возжелает, так я вмиг с настойчиком подоспею.

Когда я осознал, что именно подразумевается под словом «сонный орелик», мой смех словно отрезало и, захлопнув рот, я возмущенно уставился на Рикара.

– Все! Рикар, я тебе последний раз говорю – все у меня там в порядке! И хватит на этом! Тоже мне... сват нашелся.

– Как скажете, господин. – сокрушенно вздохнул здоровяк и, притихнув, поехал молча, лишь изредка поглядывая на меня укоряющим взглядом. Причем поглядывал столь искренне, что я на самом деле едва-едва не стал чувствовать себя последним подлецом, не поведшим девушку к алтарю.

По оставленной охотниками борозде мы проехали еще с пол-лиги, затем я окликнул Лени и развернул коня. Дальше ехать не требовалось – я убедился, что леса в ущелье более чем достаточно для наших нынешних нужд. Осталось только спилить и, обрубив сучья, оттащить бревна к поселению. Хорошая новость. Без крайней нужды я не хотел высовывать носа за пределы ущелья. Одно дело бесшумно передвигающиеся охотники, оставляющие за собой минимум следов, и совсем другой расклад, когда вразнобой стучат топоры и пронзительно визжат пилы лесорубов. Такой шум и мертвого поднимет из

земли... причем в буквальном смысле этого выражения.

Мне это надо? Ответ очевиден.

– Алларисса, на сегодня достаточно. Возвращаемся домой. Не замерзла? – несколько смущенно поинтересовался я – за все время поездки мы не перемолвились ни словом.

– Нет. – улыбнулась девушка, стряхивая с воротника налипший снег. – Раньше мерзла, а потом привыкла. Зимы здесь очень холодные.

– Я и забыл, что ты не первый год в Диких Землях. – удивленно произнес я и, спохватившись, повернулся к здоровяку: – Рикар, а с кормом для лошадей, что делать будем?

– Травы здесь полно, господин. – отозвался здоровяк. – Вдоль старого русла ручья целые заросли вымахали. Знай собирай.

Взглянув в указанную Рикаром сторону, я на самом деле заметил чернеющие в снегу стебли растений. Сегодня же надо отрядить людей для сбора травы – пускать лошадей на мясо не хотелось. Я хорошо оценил все преимущества, даруемые тягловой силой.

– Господин, вы только взгляните! – воскликнул Рикар, возбужденно тыча толстым пальцем в склонившееся под шапкой снега деревце. – Не думал не гадал, что увижу здесь долгоцвет.

– Долгоцвет? – с интересом спросил я, рассматривая неприметное с виду дерево. – Его едят? Или лечебные свойства имеет?

– Нет, господин, – широко улыбнулся здоровяк, – лучше! В деревнях ветвями долгоцвета украшают свадебные столы и спальню жениха, чтобы, значитца, молодожены жили долго и счастливо.

– Рикар!

– Просто к слову пришлось, господин!

- Свадьба? А кто женится? – с неподдельным интересом спросила Аля.

- Оо-ох... – испустил я мученический стон. – Рикар, я тебя убью!

- Господин, что сразу серчать-то? Долгоцвет просто так на пути не встречается! Примета такая!

- Да твою ж так...

- Так кто женится?

- Никто не женится!

- Но вы же про свадебные столы говорили? – настаивала на своем Алларисса.

- Господин, позвольте я объясню баронессе. – встрял здоровяк. – Старики говорят, что ежели на дороге долгоцвет встретится, а по обе стороны от него скалы гранитные, то непременно свадьбе быть! Судьба, значит, такая!

- Рикар! А что говорят приметы, ежели, к примеру, под тем долгоцветом мужика бородатого, с топором в голове найдут?

- А вот о такой примете, я и не слыхивал, господин. – ответил здоровяк, поспешно подавая коня в сторону. – Брешут, наверно...

* * *

По возвращению в форт я остался во дворе – особых дел не было, и я оказался предоставлен самому себе, чем и не замедлил воспользоваться. Работы по возведению защитной стены были временно приостановлены, и я с удобством расположился на ее вершине. Царившее здесь спокойствие идеально подходило для моих целей, а высоко вздымающаяся стена открывала широкие возможности для обзора.

Лучшего наблюдательного пункта не найти – отсюда я, не отвлекаясь от дел, свободно охватывал взглядом двор и солидный кусок ущелья и мог контролировать ход работ. За ночь ветер сменил направление и теперь тщетно бился о северную стену Подковы, не попадая в ущелье. Сразу ощутило потеплело. И стало гораздо тише – исчез тихо шепчущий, ревуший, воющий и стонущий шум ветра, которому было тесно в узком ущелье.

По обе стороны стены деловито сновали люди, торопясь переделать как можно больше дел до прихода темноты. На вчерашнем сборе я приказал сосредоточить все усилия на мелких, но крайне важных для нашего выживания работах – обустройство пещеры и прилегающей к ней пристройки. Ну и самое главное – я громогласно объявил день хомяка.

В последние дни, моя память все чаще подкидывала необычные словечки и размытые образы, значение коих лично я с легкостью осознавал и считал обыденными, но потом выяснялось, что они абсолютно непонятны для моих людей. Проблема состояла в том, что я не знал, какие из них являются обычными, а какие зарождаются лишь в моем больном рассудке, поэтому плюнул на осторожность и перестал задумываться над каждым произносимым словом.

Когда Рикар с осторожностью поинтересовался о значении слова «хомяк», я пояснил, что это мелкий зверек, внешне напоминающий крысу, селящийся в норах и отличающийся крайней запасливостью. Как оказалось, сделал я это зря – теперь несчастному Тезке не давали проходу и величали не иначе, как хомяком. У него ведь и норка в наличии, и запасливости хватает. Надо отдать должное – хозяйственник хоть и сердился, но прозвище принял со снисходительной добродушностью, ибо и сам осознавал, насколько близки ему перечисленные качества.

Здоровяк набивался со мной, но я решительно пресек его поползновения и в отместку за давешний разговор о женитьбе отрядил его на потрошение оставшихся ниргалов. Пусть знает, как господина втихую женить. А чтобы ему жизнь медом не казалась, дал ему в помощники рыжего Лени, после чего испытывая легкое злорадство, отправился на стену.

Очистив от снега участок строительного помоста, я аккуратно разложил все свои заметки о магии, пристроил на край кружку с горячим отваром и углубился в чтение, с трудом разбирая собственные каракули, сделанные по памяти.

Магическое перышко отец Флатис зажал, и пришлось выцарапывать буквы обычным пером, что запасливый Тезка неохотно достал из недр своей кладовой вместе со склянкой старых чернил. Перо нещадно ставило кляксы, но делать было нечего. Заодно узнал, что умею писать. Уже радость.

Перед тем как забраться на стену, я попросил священника составить мне компанию, и пока он не пришел, есть время полистать бывший дневник, не менее бывшей королевской фаворитки – исписанные ее рукой страницы я недрогнувшей рукой вырвал и отправил в печь.

Варварство? Уничтожение памяти усопшей и ее воспоминаний? Возможно. Но я думаю лишь о выживании и мне ни к чему десятки страниц, пропитанных капризными слезами.

В моем распоряжении оказалось немало чистых листов. Настоящее сокровище по меркам Диких Земель. Помимо заметок о магии, я скрупулезно вносил в книгу все, кажущееся мне полезным или непонятым – все, что знал о повадках шурдов, обрывки сведений о сгархах. Подробно описал посетившие меня во время болезни странные сны и нарисовал приснившийся мне меч с волнистым лезвием.

Наспех просмотрев скупые записи о магии, я прикрыл глаза и сосредоточился на попытке узреть незримое. Так и сидел, пока на стену не забрался священник и не разрушил идиллию:

– Спишь, никак? Так я тогда попозже загляну.

Открыв глаза, я укориженно взглянул на зловредного святошу и ответил:

– Вот, пытаюсь узреть эти ваши магические потоки и узлы.

Хмыкнув, священник покрутил головой по сторонам и, ткнув пальцем под ноги, спросил:

– Видишь?

Внимательно осмотрев палец священника и то место, куда он указывал, я был вынужден признаться, что не вижу ничего интересного, если только старче не имеет ввиду отпечатавшийся в грязном снегу след здорового сапога. Святой отец в сердцах сплюнул, подняв лицо к небу, попросил Создателя вразумить скудоумных и одарить терпением его верных служителей.

За прошедшие месяцы я уже успел привыкнуть к такой манере общения и спокойно дожидался окончания патетической речи. Поняв, что меня таким образом не пронять, священник, похоже, смирился со своей участью и, глубоко вздохнув, пояснил:

– Полностью глаза не закрывай. Веки чуть опусти и самым краешком глаза посмотри на то место, что я указал.

– Отец Флатис, вы хоть подскажите, как эти потоки выглядят. На что похожи? – сказал я, послушно прикрывая глаза.

– Здесь я помочь не могу. – покачал седой головой священник. – Каждый видит сосредоточия силы по-разному. Огненным магам они кажутся столбами дрожащего от жара воздуха. Маги-воздушники видят пылевые смерчи и завихрения. Но поверь, Корис – когда ты их увидишь, то ни с чем не спутаешь.

Опустив веки, я попытался последовать совету священника, но возникшее внутри чувство раздраженности никак не давало мне сосредоточиться. Такое чувство у меня возникало, лишь когда я сталкивался с чем-то, что не могу понять. На этот раз не пришлось задумываться о том, что именно меня беспокоит – раздражающий фактор стоял рядом и тонко улыбался. Святой отец Флатис.

Своего рода, уникальная личность.

Сутулая фигура, закутанная в белый плащ и с неизменным старым посохом в руке, незримо участвовала во всех важных событиях в поселении или просто маячила на заднем фоне, пристально смотря своими ярко синими глазами. Помимо более чем обширных и разносторонних знаний, святой отец обладал столь внушительным набором умений, что меня брала оторопь, когда я пытался подсчитать их!

Если каждый священник церкви Создателя обладает таким острым умом и столь же умел, как наш отец Флатис, то тогда, будь я проклят, но я не понимаю, почему Дикие Земли все еще не очищены от скверны, и почему шурды все еще дышат. Отправь Церковь Создателя один отряд таких вот «отцов Флатисов» в Дикие Земли – и успевай только мертвых шурдов штабелями складывать. Снесут все нечисть и не заметят!

Вот и скажите на милость, как тут можно расслабиться и пытаться узреть магические потоки, когда моя несчастная голова вот-вот лопнет от непомерных мысленных потуг проникнуть в покров тайны, столь тщательно укутывающий отца Флатиса?!

Каждый раз я откладывал откровенный разговор со священником на потом – вечно появлялись более срочные проблемы, требующие немедленного моего вмешательства. Но вот сейчас я относительно свободен, и грех будет не попытаться – иначе просто свихнусь от любопытства. К тому же я не хочу иметь за спиной человека, в котором не уверен до конца – ведь отец Флатис мне клятву крови не приносил...

Решившись, я плюнул на попытку прикоснуться к своему магическому дару и, повернувшись к священнику, задал прямой вопрос, требующий столь же прямого ответа:

– Святой отец, вам не кажется, что настало время поговорить по душам? Есть возражения?

Священник, не ожидая от меня такого подвоха, удивленно распахнул глаза, но, мгновенно овладев собой, вернул на лицо маску каменного голема. Пристально изучив мое лицо, выдержал паузу и только затем ответил:

– Конечно, сын мой, это долг каждого священника – выслушать и поддержать заблудшую душу.

– Я больше нуждаюсь не в утешении, а в просвещении, отец Флатис. А насчет заблудшей души точно подмечено – я впрямь несколько заплутал, пока пытался разобраться со всеми недомолвками, что вас окружают.

– Недомолвки? – поднял кустистые брови священник. – Сын мой, какие недомолвки могут быть у простого священника?

– А вы и не догадываетесь? – саркастически спросил я.

– Нет. К тому же, насколько я помню, мы уже беседовали на эту тему, и я ответил на все твои вопросы.

– Отец Флатис, в прошлую нашу беседу вы рассказали лишь то, что посчитали нужным. Не более. А теперь я хочу получить ответы. Прямо сейчас.

– Думаю, мне стоит проверить раненых. – буркнул священник и развернулся к лестнице.

С трудом подавив приступ внезапного бешенства, я сжал зубы и как можно спокойней произнес, обращаясь к удаляющейся спине священника:

– Отец Флатис! Я обязан вам своей жизнью и ценю это! Поверьте. Но не стоит забывать, кто здесь хозяин.

Словно запнувшись на ходу, отец Флатис медленно обернулся и, впери в меня взгляд своих пронзительно синих глаз, спросил:

– Это угроза... сын мой?

– Лишь предупреждение, святой отец. – ответил я. – Есть древняя поговорка – худой мир лучше доброй ссоры. Достаточно мудрое изречение, чтобы прислушаться к нему. И видит Создатель – у меня нет желания ссориться с вами.

Видя, что священник продолжает сверлить меня взглядом и молчать словно каменный истукан, я пожал плечами и добавил:

– Решать вам. Но знайте – в этом поселении останутся лишь те, кому я могу доверять. Пока вы к этой категории не относитесь. Не хочу оставлять за спиной того, кто может воткнуть мне кинжал в спину. Проклятье... прямо как про себя самого говорю – ведь это мой удар кинжалом в спину королевскому ублюдку привел нас всех сюда.... Знаете... Я хорошенько расспросил своих людей и очень

удивился, узнав, что никто толком не может вспомнить, как именно вы присоединились к нашему отряду. Сам-то я по понятной причине этого вспомнить не могу, но памяти Рикара вполне доверяю. Вы просто появились словно из ниоткуда. Может, хватит отговорок и недомолвок?

Помедлив, святой отец протяжно выдохнул и, взглянув мне в глаза, сказал:

– Что ты хочешь знать?

– Все. – не задумываясь, ответил я и демонстративно похлопал по покрытому снегом бревну. – Садитесь. Сейчас прикажу принести вам кружку горячего отвара, а потом мы побеседуем – мирно и дружески, как и подобает двум людям, не желающим ссориться из-за пустяков.

* * *

Отец Флатис осторожно отхлебнул глоток горячего травяного отвара и выжидательно взглянул на меня. Решив не обманывать его ожидания, я задал первый вопрос:

– Отец Флатис, давайте начнем с малого – буквально вчера вы мимоходом упомянули, что обучались в имперской академии магов. Как-то это не вяжется с духовным саном.

– Здесь все просто, сын мой. Я обучался в академии еще в отрочестве, когда меня забрали из родной деревни.

– И какой же у вас дар? Хотя я уже догадываюсь – судя по тому, как мастерски исцеляете раны, вы, не иначе, как маг-целитель.

– Твоя догадка ошибочна. – покачав головой, ехидно рассмеялся священник. – Я обладаю... обладал талантом огненной стихии. Просто я хорошо знаю лечебные травы и умею врачевать не слишком сложные ранения и болезни...

– Простите, святой отец, – перебил я, – что значит «обладали»? Разве магический талант может исчезнуть?

– Нет. Талант дарован нам свыше, а Создатель свои дары не забирает. Зато это научились делать имперские маги – меня лишили дара, когда я решил посвятить жизнь церкви и покинул имперскую службу. Таков закон. Боевые маги могут использовать свои способности лишь на службе империи. Последняя разрушительная война магов наглядно показала, на что способны независимые маги. – священник промочил горло и, посмотрев на меня, сказал: – Я ни о чем не сожалею. Это был правильный выбор.

– Возможно. Это ваша жизнь, вам и решать. – я поднял голову и взглянул священнику в глаза: – Вот только не могу понять, с чего это вдруг всем обеспеченный боевой маг захотел променять вышитые золотом облачения на скромный холщовый балахон священника. Каковы причины?

– А вот это только мое дело! – свирепо сверкнул глазами отец Флатис. – И случилось это, когда тебя и на свете-то еще не было! Не тебе судить!

– Да я и не пытаюсь судить! – взорвался я. – Я пытаюсь решить, могу ли я вам доверять! Вы ослепли?! Не видите, что происходит вокруг? Взгляните, к примеру, вон на те столы. – я яростно указал пальцем на столы с неподвижно застывшими железными фигурами ниргалов, над которыми в поте лица трудился здоровяк. – Знаете, что самое интересное? Они пришли за мной! Ради того, чтобы прикончить никчемного баронского сына, они преодолели долгий путь по Диким Землям, нашли место нашего поселения, знали, как я выгляжу, мой титул и имя! Откуда такая осведомленность? Почему хотят моей смерти? Вот я и задумался, святой отец. Ведь вы на них столь похожи – знаете многое, но сами остаетесь загадкой за семью печатями. Вот и раскройте тайну – для чего вы здесь? Зачем присоединились к отряду, идущему на верную смерть? Шансы нашего выживания в проклятых Диких Землях ничтожны – даже сейчас! Даже под защитой стены мы все еще можем погибнуть в любой момент! Так зачем же с нами пошел умудренный священник?

– Церковь идет своим путем... – начал было отец Флатис, но наткнувшись на мой взгляд осекся и продолжил совсем другим тоном: – Это очень долгая история, сын мой. Иногда лучше жить в неведении, чем столкнуться с истиной.

– Времени у нас достаточно, святой отец. – подбодрил я отца Флатиса. – Давайте уж выясним все раз и навсегда. А после зубодробительной встречи с кабаном я уже не особо боюсь столкновений.

– Хорошо. Хочешь знать правду? Так знай – я здесь, чтобы приглядывать за тобой... и ждать.

– Что?! – ошарашено произнес я, едва не выронив кружку. – Отец Флатис вы сами-то поняли, что сейчас сказали? Зачем церкви приглядывать за мной? Вы меня ни с кем не спутали случайно?

– Церковь здесь не замешана. Это мое решение последовать за тобой. Для чего именно? Ответь, что ты помнишь о том времени, когда ты ожидал приговора суда в тюремной камере?

– Ответ на этот вопрос вы знаете не хуже меня – ничего. Мои воспоминания начинаются с того момента, как я пришел в себя на залитой кровью траве.

– Ну тогда я тебя немного просвещу! После совершенного убийства ты ожидал суда в тюремной камере, под надежным присмотром стражи. Вот только присутствие многочисленных тюремщиков нисколько не помешало нескольким неизвестным забрать тебя из камеры и увезти на целую ночь в наглухо закрытой карете! Вернули тебя обратно следующим утром в бессознательном состоянии. Только Темный знает, что с тобой сотворили, но гораздо важнее – кто это сделал! Не перебивай! – рявкнул священник, заметив, как я ошеломленный услышанным, открываю рот для вопроса. – Хотел знать – вот и слушай!

Дождавшись моего молчаливого кивка, отец Флатис продолжил:

– Хочешь, я опишу тех, кто забирал тебя из камеры? Думаю, они покажутся тебе знакомыми. Молчаливые мужи, черные плащи до пола, глухие капюшоны полностью скрывают лица, а толстенные каменные плиты двора не выдерживают тяжести их шагов и с треском ломаются. Описание никого не напоминает?

Вот теперь меня проняло не на шутку. Бросив со стены взгляд на мертвых ниргалов, все еще укутанных в обрывки черных плащей, я поднял палец, останавливая разошедшегося священника и заорал, обращаясь к здоровяку:

– Рикар! Бросай все и бегом сюда!

Здоровяк не заставил себя ждать и через несколько мгновений уже стоял рядом со мной, причем за пробежку по двору и по крутой лестнице у него и дыхание не сбилось. Крепок ветеран!

– Слушаю, господин. Случилось что?

– Случилось, Рикар, случилось. Ты присядь и слушай. – кивнул я. – Святой отец, а теперь расскажите нам эту историю с самого начала и поподробней.

Отец Флатис, поерзав, поудобней утвердился на бревне и, помогая себе в трудных местах жестами, начал повествование. Напряженно вслушиваясь, я старался не пропустить ни одного слова. Постепенно перед нами открывалась весьма неприглядная история с моим непосредственным участием в одной.

Решив рассказать нам все без утайки – или мне так чудилось? – священник начал с себя, и нам открылась совсем иная ипостась отца Флатиса – оказалось, что наш святоша со столь безобидной внешностью принадлежит некоему ордену с мрачным названием «Искореняющие Ересь». Интересно. Судя по заметно напрягшемуся здоровяку, это название ему знакомо и не с самой мирной стороны. Значит, орден не из простых и, скорей всего, занимается не проповедями и не сбором пожертвований. Что же это за орден такой? Проклятье! Как я устал быть самым неосведомленным!

Стоило мне задать самому себе вопрос об Искореняющих Ересь, как на меня накатило и мгновенно исчезло чувство головокружения и тошноты, голову словно сдавило стальными обручами. Лишь невероятным усилием я не позволил себе застонать и, стиснув зубы, переждал внезапный приступ. К счастью, боль отпустила почти сразу. Я облегченно выдохнул и тут же озадаченно замер – в моей голове появились ответы. Теперь я точно знал, что это за орден, для каких целей он служит и, самое главное, – теперь я как никогда был уверен, что с моей головой не все ладно. Сведения оказались столь полными, будто я годами тщательно изучал летописи всех деяний церковного ордена, и сейчас воспоминания возвращались ко мне.

Как я и предполагал, орден Искореняющих оказался не из простых. Лучше бы я и дальше оставался в неведении.

Предельно закрытый от мирян и от большей части монашеской братии, орден полностью оправдывал свое название и служил лишь одной цели – нахождение и уничтожение всего, что подпадает под такие смутные определения, как служение Темному или же ересь. Уничтожение в буквальном смысле. Святые отцы не тратили свое время на чтение душеспасительных проповедей и не пытались вернуть заблудшего грешника на истинный путь. Эту работу они оставляли на долю Создателя, а на себя брали обязанность доставить грешную душу пред его очи. Не больше и не меньше. Судя по незнамо откуда появившимся в моей больной голове сведениям, за столетия существования ордену удалось сделать многое – нечисти резко поубавилось, бесследно исчезли маги-некроманты. Однажды похороненные люди больше не поднимались из могил и не наводили ужас на окрестных жителей. «Искореняющие» не побоялись вскрыть древние многоярусные могильники на берегах Асдоры, чтобы навеки упокоить их восставших обитателей. В некогда брошенные земли вновь вернулись мирные жители и безбоязненно занялись хозяйством. Такая четкая организация действий больше напоминает регулярную и хорошо обученную армию, чем орден скромных богобоязненных монахов.

Оторвавшись от своих мыслей, я обнаружил, что мои собеседники замолчали и с нешуточной тревогой взирают на мое искажившееся лицо. Узрев, что я вернулся в реальность, священник пожевал сухими губами и спросил:

– Все в порядке, сын мой?

– Да. В зуб стрельнуло. – не моргнув глазом соврал я. – Продолжайте, отец Флатис.

Говорить правду о творившихся странностях в моей голове я точно не собирался, особенно после рассказа священника о таинственном похищении моего старого «Я». Перебьется как-нибудь святой отец без моей исповеди.

Согласно кивнув, священник продолжил рассказ:

– Помнишь, сын мой, как я поведал тебе историю о деревушке Лесное Подворье и о печальной участи ее жителей?

– Помню. Все жители деревни погибли и восстали из мертвых. Вам пришлось упокоить их всех.

– Правильно. И когда я оглядывался на пылающую за моей спиной деревню, ставшую общим погребальным костром для всех жителей, то мою скорбящую душу согревала лишь одна мысль – с некромантом было покончено раз и навсегда! А его проклятое Создателем оружие было уничтожено! – священник поднял на меня тяжелый взгляд и продолжил: – Утешался я этой мыслью недолго – спустя два года, на противоположной стороне Империи, за сотни лиг от Лесного Подворья, была разорена еще одна деревня, и все жители восстали из мира мертвых! Только на этот раз в деревне было не два десятка дворов, а две сотни с лишним! И что самое поразительное – как и в прошлый раз, за всем этим стоял некромант.

– Что?! – в унисон со здоровяком выпалил я.

– Именно! На этот раз туда был отправлен регулярный полк кирасиров, подкрепленный тремя десятками братьев из ордена «Искоряющих» и магами. Я руководил миссией. Наученные горьким опытом, мы не стали заходить в деревню, а лишь убедились, что там не осталось никого живого, после чего деревню накрыли ментальным куполом и выжгли дотла. Бойня.

– А сотворивший это некромант? – глухо спросил здоровяк, с хрустом сжимая пальцы в тяжелый кулак.

– Некромант ушел за несколько часов до этого, – покачал головой священник, – словно знал о нашем приближении. Нам удалось расспросить немногих выживших людей, что милостью Создателя отсутствовали в деревне – кто-то зерно в город отвозил, кто-то по другим делам уезжал. Больше всех нам помог хозяин постоянного двора, который на свое счастье ездил возобновлять запасы вина и пива, а по возвращению на месте своего дома застал тлеющее пепелище. Спрашивали мы в первую очередь о незнакомцах. По словам выживших за неделю до случившегося в деревню приехал богатый дворянин и поселился на постоялом дворе. Деревня большая, да и расположена на оживленном тракте, дворяне часто останавливались на постоя, но этот выделялся – приехал один, без свиты, без любовниц. Вечерами не буянил, пил в меру, к девицам не приставал. За неделю постоя даже в морду никому не дал. Крайне необычно для дворянских сословий проявлять такую сдержанность. Обычно все с точностью до наоборот. Не правда ли, Корис?

– Не знаю. – сдержанно ответил я, не отреагировав на намек священника. – Я в трактирах еще не бывал. И что с того, что дворянин приехал один? Причин этому может быть много – скрывался от рассерженного мужа-рогоносца, от кредиторов прятался или. на худой конец, от вызова на дуэль.

– Возможно. – покладисто кивнул отец Флатис. – Мы то же так решили, и начали было рыть в другом направлении, когда хозяин постоялого двора припомнил одну очень интересную деталь – дворянин не выпускал из рук необычной формы кинжал, с желтым драгоценным камнем на навершии рукояти. Вечно полировал его тряпочкой, достав из ножен, любовался лезвием – и так постоянно. Трактирщик божился, что один раз заметил, как дворянин, приблизив кинжал к губам, что-то нашептывает, а затем прислушивается ровно в ожидании ответа.

– Создатель милостивый... – пораженно прошептал я, сразу опознав по описанию однажды упомянутое страшное оружие. – Отец Флатис, но ведь вы рассказывали, что кинжал некроманта из Лесного Подворья раздробили в пыль! Откуда он мог взяться?

– Какой еще кинжал? – нетерпеливо встрял здоровяк. – О чем вы толкуете?

– Я тебе потом объясню. – отмахнулся я от Рикара и вопросительно взглянул на священника: – И как эти более чем печальные события касаются меня?

– Прояви терпение, сын мой. Чтобы познать истину, всегда следует начинать с истоков. Итак, несчастная деревня была упокоена, но, как оказалось позднее, это было лишь начало мрачайших событий. В последующие двадцать лет с небольшими перерывами подобная участь постигла еще семь больших деревень, расположенных преимущественно на окраине Империи за много лиг от столицы. Семь деревень, сын мой! Тысячи несчастных душ, корчащихся в агонии! Семь деревень пришлось сжечь вместе с жителями! Старики, женщины и безвинные дети сгорели дотла в огненной геенне! Каждый раз история начиналась с одного и того же события – прибытие в деревню одинокого дворянина, а через несколько дней деревня превращалась в наполненный нежитью могильник. Эманация темной волшбы была настолько сильной, что в близлежащей округе мертвые поднимались из могил безо всяких ритуалов. Сами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dem-mihaylov/temnye-vremena>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)